

Сергей Шаповалов

12+

Горячий
Декабрь

Сергей Шаповалов

Горячий декабрь

«Автор»

2019

Шаповалов С. А.

Горячий декабрь / С. А. Шаповалов — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-93106-0

Повесть "Горячий декабрь" правдиво показывает череду событий, развернувшихся во время Декабрьского восстания 1825 года. Читателю предлагается глубоко погрузиться в обстановку послевоенного Петербурга. Неожиданная смерть императора Александра. Интриги вокруг престола. Попытка военного переворота. Обложка изготовлена Шаповаловым С.А. Использована картина Вильгельма Августа Голике «Портрет Николая I». Начало XIX века. Новгородский музей-заповедник.

ISBN 978-5-532-93106-0

© Шаповалов С. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Беседа за чашечкой кофе	6
Таинственный визитёр	12
Ожидание	19
Опасный визит	29
Русско-Американская компания	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Шаповалов

Горячий декабрь

Пролог

Коляска, запряжённая парой холеных, высоких коней, миновала заставу. Караульный опустил полосатый шлагбаум. Все! Петербург остался позади. Предраассветное осеннее небо едва подёрнулось зарей, гася звезды. Сумрачный лес обступил дорогу. Звонкий цокот копыт по брусчатке сменился глухим топотом по грунтовой дороге. Широкоплечий кучер в высоком картузе, с густой окладистой бородой правил уверенно, иногда лихо посвистывая. Фонарь, висевший рядом с ним на облучке, едва освещал дорогу, но кучер был умелым: рука твёрдая, глаз острый. Коляска катила ровно по колее, слегка покачиваясь на ухабах. Рессоры жалобно поскрипывали. Бубенчик звякал уныло, потерянно.

В коляске с откинутым верхом сидел человек, кутаясь в дорожный плащ, и, казалось, дремал. За экипажем следовали двое верховых казаков в голубых лейб-мундирах. На боку сабли, за спиной пики.

Вдруг пассажир встрепнулся и попросил кучера остановиться. Тот натянул вожжи. Лошади недовольно захрапели. Коляска встала. Казаки попридержали коней. Пассажир медленно поднялся и сошёл на землю. Устремил взгляд к тёмному небу, где белёсым штришком обозначилась комета.

Он был высок и статен. Осанка благородная. Движения плавные. Что-то шептал: то ли размышлял вслух, то ли молился. Стоял долго, не отрывая взора от кометы.

– Ваше величество, Александр Павлович, – несмело пробасил кучер. – Лошадки остынут.

– Погоди, Илья, – попросил человек. Голос его прозвучал с нотками грусти. – Разве не понимаешь, возможно, я больше не вернусь сюда. Дай насладиться последними минутами.

– Господь с вами! – недовольно пробурчал кучер, снял картуз и перекрестился. – Что вы такое говорите?

– Видишь, как комета хвост распушила?

– Знато. Словно жар птица, – согласился кучер.

– Знаешь, к чему сие знамение небесное? – Он вздохнул. – Бедствия она несёт и горести. Если так угодно Богу, значит – тому и быть!

Он решительно повернулся и взошёл в коляску.

– Трогай!

Беседа за чашечкой кофе

В кондитерскую «Вольфа и Беранже» вошёл статный господин лет тридцати. Одет он был на английский манер: дорогой длинный плащ каррик горохового цвета; на голове новый атласный, чёрный боливар; ноги в мягких остроносых ботиночках с маленькими медными пряжками. Впрочем, вид его был обыкновенный для Петербурга. Многие молодые щёголи нынче носили английские плащи и атласные боливары. Стрижка короткая, по последней моде, так же, английской. Небольшие аккуратные черные усики; круглое, тщательно выбритое лицо с полными губами, прямой нос. Взгляд, казалось, безразличный, отвлечённый, но глаза внимательные. В руках, затянутых в коричневые кожаные перчатки, он держал трость с медным круглым набалдашником.

Господин с благоговением втянул носом аромат крепчайшего кофе и свежих, только что выпеченных, булок. Швейцар в зелёном фраке подскочил к нему и услужливо принял шляпу, перчатки и плащ. Пригласил пройти в чайный зал. Оправив песочного цвета сюртук из хорошего английского сукна с двумя рядами блестящих пуговиц, господин прошествовал в просторное помещение с небольшими столиками на четыре персоны, устланными бархатными скатертями болотного, спокойного оттенка. Прилавок у дальней стены был заставлен коробочками с чаем, кофе и конфетами. На отдельном столике лежали свежие журналы и газеты. В столь ранний час в зале сидел лишь один посетитель, уткнувшись в газету. Молодой, элегантный, хорошо одетый. Иногда его рука нащупывала чашечку с чаем и подносила ко рту.

Любезный официант предложил место за столиком у широкого окна, открывавшего вид на Невский проспект. Господин сел. Попросил крепкий кофе и сливков.

– Не желаете к кофе сладости? – поинтересовался официант. – Пирожные, булки с повидлом, пирожки с начинками?

– О, нет! – отказался посетитель. – Я утром не ем.

– Нынче получили крымские груши, – не отставал официант. – Варенье из Киева. Есть крупные пупырчатые финики, виноград и свежий кишмиш, швейцарская сухая дуля...

– А из сыров, что у вас есть? – поинтересовался господин.

– У нас самый лучший «пармезан» по семи рублей за фунт. Швейцарские сыры – девяти сортов, английские – пяти, что предпочитаете?

– Пожалуй, «пармезан», только нарежьте очень тонко.

– Сию минуту, – с готовностью ответил официант, изобразив лучезарную улыбку, но не спешил отходить. – Могу ещё предложить коломенскую медовую пастилу, Кольскую мочёную морошку. Блины есть с астраханской икрой.

– Нет, спасибо, только кофе и сыр. Ах, вот ещё что, – вспомнил посетитель. – Какие у вас свежие газеты?

– Только что «Петербургские ведомости» занесли. «Северная почта» есть.

– А из литературных журналов новых?

– «Невский альманах» не желаете? Есть «Невский зритель» Многие берут: очень прелюбопытнейший журнал.

Молодой человек, что сидел за соседним столиком, положив ногу на ногу, и смотрел газету, оторвался от чтения, сказал тоном знатока:

– Прошу прощения, что вмешиваюсь. Хочу вам порекомендовать «Полярную звезду». Журнал самых прогрессивных взглядов. Интересные авторы: Баратынский, Крылов, Вяземский, Пушкин...

У него было спокойное приятное лицо смуглое и благородное. Губы тонкие, брезгливо поджаты. Глаза большие, тёмные, внимательные. Он производил впечатление воспитанного, образованного человека. Острижен коротко, по английской моде. На вид ему едва исполни-

лось тридцать. Он выглядел опрятно. Шёлковый белый галстук на шее скрепляла серебряная брошь в виде рыцарского щита с крупным изумрудом в середине. В кармашек куртки от средней пуговицы провисала крупная золотая цепочка. Из самого кармашка выглядывал краешек золотых часов.

– Спасибо за совет, – поблагодарил искренне господин.

Официант удалился. Вновь прибывший обратился к молодому человеку, читавшему газету:

– Простите, что вас отвлекаю.... Дело в том, что я только что приехал с Британских островов и ещё не ориентируюсь в событиях.

Молодой человек отложил газету. С интересом взглянул на гостя.

– Вы интересуетесь литературой, искусством или театром?

– Всего лишь, как обыватель. Коммерция – мой конёк.

– Присаживайтесь за мой столик. С удовольствием отвечу на все ваши вопросы. Кондратий Рылеев, – представился он. – Управляющий канцелярией Российско-Американской компании.

– Ах, как удачно я вас встретил! – радостно воскликнул гость. – Граф Денгоф, – представился путешественник.

– Известная фамилия. Вы из Курляндии?

– Именно так. Но, честно признаюсь, давненько не был на родине. Я занимаюсь торговлей. Все больше живу в Англии.

– Вот как! – заинтересовался Рылеев. – Мы с вами в чем-то коллеги. И каков род вашей деятельности?

– У меня пай в одной британской компании, которая закупает хлопок в Америке для мануфактур.

– Хорошее дело! Что же вы хотите от России? В наших северных широтах хлопок не растёт.

– Хочу разузнать, как наладить поставку на одну лондонскую мануфактуру канатную пеньку и лен для парусины. Но, вы же понимаете, прежде чем основательно заняться делами, нужно разобраться в политической обстановке: таможенные пошлины, всевозможные разрешения, нужные люди...

– Понимаю вас, – снисходительно кивнул Рылеев. – Постоянно с этим сталкиваюсь. Готов помочь советом, что в моих силах.

В это время официант поставил перед путешественником чашечку кофе, миниатюрный молочник со сливками и тарелочку с тонко нарезанными ломтиками сыра.

– А в Великобритании, я так понимаю, промышленный рост? – поинтересовался Рылеев и попросил официанта ещё чаю.

– Старушка-Англия богатеет, – согласился граф Денгоф. – Наступает век паровых машин. Кругом возникают мануфактуры. Города растут, как на дрожжах. На верфях работа кипит. Со стапелей один за другим сходят корабли. Так, в двух словах не описать...

– Завидую, – грустно кивнул Рылеев. – А в России тишь, да гладь. Пашем землю сохой. Дорог почти не имеем. Баржи по рекам бурлаки таскают. Домны на Урале разваливаются. Но, зато парады чуть ли не каждый день: эскадроны, строевые коробки, бой барабанов, знамёна, пушечные салюты.... Сами скоро все увидите. Кстати, а вот и Трубецкой, – лёгким кивком указал он на вход. – Сергей Петрович, мы вас ждём!

Высокий статный офицер в красногрудом мундире с золотыми эполетами вошёл в кондитерскую. У него было слегка вытянутое строгое лицо с прямым носом. Бакенбарды спускались чуть ли не до подбородка. Он слегка прихрамывал, но шёл твёрдо, уверенно.

Рылеев представил графу Денгоф полковника гвардии, дежурного штаб-офицера четвёртого пехотного полка, князя Сергея Петровича Трубецкого.

Тот не спеша занял место за столиком. Попросил принести кофе и свежие газеты. Граф Денгоф заметил на груди у полковника странный орден: чёрный железный крест, без надписей или узоров.

– Позвольте спросить, за что вы получили эту награду, и что она символизирует? По форме креста – награда прусская. Знаю большинство прусских орденов, но такой вижу впервые.

– Ах, эта, – Трубецкой пригладил указательным пальцем крест. Ответил, казалось безразлично, но в словах его скользила еле скрываемая гордость: – Получен за сражение под Кульмом. Бился в рядах старого, прославленного Семёновского полка. Кровавое было дело. Наполеон напирал сзади, а путь нам пытался перерезать генерал Вандам. Окружение грозило полным разгромом. Но мы выстояли, а храбрый Вандам оказался в нашем плену.

– Так, вы служили в Семёновском полку! – с уважением произнёс граф Денгоф.

– Прошёл всю компанию под знаменем петровским от Бородино до Лейпцига. Вот, под Лейпцигом не повезло: был ранен в ногу.

Официант принёс полковнику кофе и газеты, графу Денгофу подал толстый журнал.

– Ага, Кондратий Фёдорович, – заметил Трубецкой, – смотрю, гостю журнал свой предлагаешь. Вы же знаете, граф, «Северную звезду» Рылеев издаёт. Он известный поэт в Петербурге.

– Ну, полно тебе, Сергей Петрович. Поэт я – так себе. Уж до Баратынского или до Жуковского мне, как до Сибири. А тут ещё молодой Пушкин обскакал. Вот это – талантище, вот это – поэт. Я же, так – рифмуется. Объясни лучше гостю о политическом положении в России: что на нашей кухне повара стряпают и под каким соусом подают. Граф желает в России дело открыть.

– Что ж, вопрос не сложный. – Трубецкой попробовал кофе. Довольно причмокнул губами. – Если кратко: армия огромная, народ нищий, дворянство бедное, а страна богатая. Да, вот такие дела: страна великая – самого Наполеона разгромили. Знамя Российское водрузили над Парижем. Куда в Европе не поедешь, всюду русские могилы. Но крестьянин в лаптях, в дерюге, на худой кобылке пашет, да пустые щи хлебает.

– А чья вина в бедности народа? – удивился граф Денгоф.

– Понимаете, какое дело, – попробовал объяснить Рылеев. – Россия участвовала в континентальной блокаде; потом долгая война, заграничный поход. За все это время внешней торговли, практически, не было. Зерно не продавали, держали в амбарах. А как настал мир, этим зерном все рынки завалили. Хлеб нынче сильно удешевел. На Берлинской бирже цены упали в три раза за несколько лет. Тут же все государства стали защищать свои экономики, воздвигая таможенные барьеры. Континентальная блокада Наполеона теперь кажется ерундой, по сравнению с современными сборами и акцизами. А в России основной продукт для торговли – это хлеб. Вот, и получается: сидим на мешке с добром голодные и ободранные. Да что там..., – он указал на статью в газете. – Здесь все изложено. В семнадцатом году экспорт зерна из России составил сто сорок три миллиона пудов, в двадцатом – тридцать восемь миллионов, а в двадцать четвёртом – двенадцать миллионов пудов! А здесь министр финансов Канкрин пишет: «Внутренне положение промышленности от низости цен на хлеб постепенно делается хуже. Дефицит бюджета вырос в два раза, доходы сократились». Но есть ещё одна беда: армию набрали огромную. Понятно – война шла жестокая. Но армию надо кормить, одевать, снабжать. Распустить нельзя. Куда солдатам податься? За двадцать с лишним лет службы солдат пахать разучился, ремёслам не обучен.... Наш царь поручил графу Аракчееву организовать военные поселения.

– А что это за поселения? – попросил разъяснить граф Денгоф.

– Если кратко: крестьянская община, но с военными порядками. Жизнь казарменная: подъем, отбой под барабан, переключка, разводы..., ну, и сельскохозяйственные работы. Эдакие солдаты-пахари, – бред полный. Возможно, если бы подойти с умом к этому вопросу,

можно было создать подобие казачьих станиц. Но царь доверил дело графу Аракчееву, твердо-лобому солдафону, который в экономике ничего не смыслит, умеет только во фрунте командовать, да провинившихся сквозь строй прогонять. В общем, толку в этой затее вышло немного. Не то нынче время – стрелецкие слободки обустройства.

– А государь?

– Царя Александра слишком занимают вопросы международного характера, – объяснил полковник Трубецкой, потягивая кофе. – Он в России-то бывает редко, все больше на зарубежных конгрессах, все о чем-то договаривается с царствующими особами Европы.

– О чем же?

– После французских событий европейские монархии боятся революций. Нынче в Европе неспокойно. В Испании недавно полыхнуло, потом в Бельгии. Италия вот-вот вспыхнет. Свободу потушить нелегко после французского пожара, – сделал вывод Рылеев.

– Кондратий Фёдорович, вы аккуратнее выражайтесь, – пожурил его полковник Трубецкой. – Вы же не на «Русской встрече».

– Ах, простите, – виновато усмехнулся Рылеев. – Но посудите сами: чтобы встряхнуть Россию, чтобы дать ей экономический рост, нужны перемены, нужны реформы... И что же мы видим? Тургенев, Николай Иванович, светлая голова, талантливейший человек. Представляете, он работал с самим Генрихом Штейнером в Пруссии над земельным вопросом. Так вот, Николай Иванович составил подробную записку императору о крепостном праве. Расписал, как можно освободить крестьян и поднять промышленность. Работу делал на основе последних экономических изысканий. И что ж? А, ничего-с. Император ответил, что он имеет несколько подобных планов. Будет время... Понимаете, господа: будет время! он выберет наиболее приемлемый. Но времени у нас нет. Мы отстаём от цивилизованного мира все дальше и дальше... Где это видано: на дворе девятнадцатый век, а у нас до сих пор людьми торгуют, как скотом.

В кондитерскую вошли два шумных офицера в военных сюртуках и коротких кавалерийских сапогах. У одного на голове была чёрная повязка, скрывающая лоб. Тот, что с повязкой, носил форму Нижегородского драгунского, его товарищ – в мундире егерского полка. Офицеры весело о чем-то спорили.

– Смотрите-ка, капитан Якубович, – кивнул в сторону офицеров Рылеев. – Сейчас мы узнаем последние армейские новости. А кто это с ним? – обрадовался он. – Неужели полковник Булатов? Александр Михайлович, вот, так встреча!

Рылеев встал и крепко обнялся с полковником.

– Хочу представить вам моего товарища по кадетскому корпусу, полковника Булатова, – сказал он графу Денгофу. – А это, герой Кавказа, – он указал на капитана с чёрной повязкой. – Якубович, Александр Иванович. Каким ветром бравых гуляк потянуло в кондитерскую?

– Всю ночь провели в ресторации купца Егорова, – сказал Якубович, развалившись на низеньком диванчике и, покручивая черные густые усы. – Кутили с офицерами. Надо чашечку кофе выпить, чтобы взбодриться.

– Да, уж эти «Русские вечера», – недовольно покачал головой полковник Булатов, осторожно присаживаясь на стул. – Водка с квашеной капусткой – хороша закуска. Да под речи о свободе русского народа. И так – всю ночь.

– Но согласитесь, весело было! – подтрунивал над ним капитан Якубович. – Что за пламенные речи от вас слышали! Какой напор! Всё – долой! Да здравствует свобода!

– По мне, так эти «Русские вечера» – пустая болтовня. Уж извините, – мрачно парировал полковник Булатов.

– Что говорят ваши друзья из гвардии? У вас есть знакомые офицеры в Семёновском полку? – поинтересовался Рылеев.

– С семёновцами я не знаюсь, – брезгливо выпятил нижнюю губу Якубович. – Новый Семёновский полк, что кухарка, одетая фрейлиной. Я на Кавказе всякого народу повидал. В

таких баталиях участвовал – вспоминать жутко. Кто самые бесстрашные? От кого черкесы бегут, как черти от ладана? От бывших семёновцев. А новый Семёновский полк – так, ряженные. Традиций, что с петровских времён идут, не придерживаются, да они их и не знают...

– Кто же у вас был на собрании? – удивился Рылеев.

– Из Измайловского полка, из Московского, из Финляндского пару офицеров.... Но из Семёновского – никого.

– Вы слышали, великий князь Николай Павлович готовит смотр гвардейской дивизии? – поведал полковник Трубецкой.

– Как вы тут живете? – вспыхнул Якубович. – Вечные смотры, парады, марши.... Нет, как только выпадет снег, – я обратно на Кавказ. Там все понятно: вот ты, а вот твой враг. Убей его, иначе он убьёт тебя. Глаза в глаза. Стиснув зубы. Чуть дрогнешь – и ты пропал...

– Вы против дисциплины? – вздёрнул удивлённо брови полковник Трубецкой.

– Кто, я? Конечно же – нет! – тут же сдал Якубович. – Но должны быть разумные пределы во всем. К чему эта строевая акробатика? Поверьте, черкесы не ходят строем и носок во фрунте не тянут, но воюют как звери.

– И все же, царских особ надо почитать, – назидательно заметил полковник Булатов. – А вы вчера ругали Николая Павловича, на чем свет стоит.

– Я уважаю царскую семью, – стал оправдываться Якубович. – Александр Благословенный, покоритель Парижа, освободитель Германии – поставлен над нами Богом... Согласен! Но, милый пардон, его младшие братья.... Их мне тоже за офицеров считать? Особенно Великий князь Николай.... А почему его я должен уважать? – презрительно хмыкнул он. – Ему ещё тридцати нет. Он пороку не нюхал, а командует боевыми офицерами, которые крови пролили больше, чем он вина за свою жизнь выпил.

– Прошу заметить, что Николай Павлович вина вообще не пьёт. А любовь к немецкому порядку он унаследовал от деда Петра Гольштейн-Готторпского и от отца Павла Петровича. Уж те обожали прусскую шагистику, – заметил Рылеев.

– Вы слышали про историю с капитаном Норовым? – вспомнил Якубович и повеселел. – Как-то на смотре Николай Павлович был весьма недоволен частью, которой командовал Норов. Нагрубил ему и, говорят, специально проехал мимо на коне, забрызгав грязью. Капитан тут же подал в отставку. А за ним ещё пять офицеров принесли рапорта о переводе в армию. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы сея история не дошла до сведения императора. Александр велел Николаю попросить извинения.

– И что? Великий князь извинился? – удивился полковник Булатов.

– А куда ему было деться, коль сам царь требует. Но извинился он в своей грубой манере, что, мол, он действовал в интересах укрепления дисциплины. Дескать, сам Наполеон иногда ругал своих маршалов. На что капитан Норов дерзновенно ответил, что он понимает его, но самому ему до маршалов Франции так же далеко, как Николаю до Наполеона.

– А что можете сказать о Константине Павловиче, цесаревиче? – поинтересовался Рылеев. – Он старше Николая и войну прошёл.

– Положа руку на сердце, если бы не царское происхождение, был бы он захудалым помещиком, – жёстко ответил полковник Трубецкой. – По службе ни черта бы он не добился. Слишком глупый, слишком тщеславный и слишком трусливый. Константин командовал гвардией в начале войны, но сильно повздорил с главнокомандующим Барклаем-де-Толли. Стал плести интриги; вечно вмешивался в манёвры; не выполнял распоряжения штаба.... Александр снял его с должности от греха – подальше. Ничем он себя в боях не проявил. Ему эскадрон страшно доверить, не то, что – гвардию. Склонный, несдержанный, своенравный.

– Но, погодите, – не согласился Рылеев. – Он же с Суворовым прошёл всю Итальянскую компанию. Штурмовал Сен-Готард, переходил через Росшток...

– Нянчился с ним Суворов, как с дитяткой малым, – усмехнулся Якубович. – Мне о том генерал Милорадович рассказывал. Александр Васильевич, Царство ему небесное, все боялся, что великого князя ранят или, не дай бог, в плен возьмут. Представляете конфуз? Тогда в обмен на пленного Константина, французы могли у России требовать все, что угодно. Вот, его через Альпы чуть ли не на руках солдаты и перенесли.

– А сейчас где Константин? – поинтересовался граф Денгоф.

– В Варшаве, поставлен командующим Польской армией, – сообщил Трубецкой. – Нелегко ему приходится. Поляки ненавидят Россию и все русское. Наполеон обещал шляхте возродить Речь Посполитую. Как вспомнишь двенадцатый год, – поляки вечно в бой рвались, вечно в первых рядах. Уж сколько их порубили под Вязьмой, уж сколько на переправе через Березину картечью посшибали, им все одно – в бой! Поляки верили Наполеону и сражались с каким-то звериным остервенением. Но, все – напрасно. Варшава вновь русская, униженная, спущенная до герцогства. А тут ещё великий князь черт знает что устраивает. Недавно, говорят, Константин приказал разгромить редакцию газеты, которая нелестно отозвалась о какой-то певичке. Беда в том, что цесаревич обожает эту певичку.

– Самый младший Михаил нынче командует первой гвардейской бригадой, – далее рассказал полковник Трубецкой. – Но, как, командует? Нянька у него хорошая – генерал Паскевич. Человек волевой. Все Паскевича знают, как отважного офицера. Солдаты его любят, да и старшие чины уважают. Вот, Иван Фёдорович, как может, сглаживает конфликты между неопытными великими князьями и бывальными офицерами. Но, несмотря на это, что Николая, что Михаила в офицерских кругах за своих не считают. Незавидное у них положение, я вам скажу: происхождение царское, а уважения – никакого.

– Представляете, – усмехнулся Рылеев. – Константин станет царём после Александра.

– Упаси нас Боже от этой напасти! – в ужасе воскликнул полковник Якубович и перекрестился трижды.

– Да, уж! Надеюсь, что этого не произойдёт в ближайшие годы, – мрачно высказался Трубецкой. – Не хватало нам ещё сумасброда на троне. Уж Константин похлеще папаши будет.

Таинственный визитёр

Граф Денгоф достал из кармашка золотой «брегет» на цепочке, откинул крышечку, взглянул на циферблат.

– О-о! – протянул он. – Прошу прощения, господа. Дела не ждут.

Первым протянул ему руку Рылеев.

– Приятно было познакомиться. Заходите как-нибудь вечером. Побеседуем о коммерции. После восьми я принимаю друзей. Моя квартира на набережной Мойки.

– Буду весьма рад, – с готовностью ответил граф.

Оставив на столе пару английских монет, он вышел из зала. Швейцар помог ему надеть плащ, подал шляпу и перчатки.

– Элегантен, с хорошими манерами, но на лондонского денди не похож, – сделал вывод о графе Якубович. И тут же потребовал у официанта принести вина.

– Как? Опять вино? – застонал полковник Булатов.

– Друг мой, привыкайте к столичной жизни. Вот, уедете вскоре опять в свой богом забытый Киренск, вот, там будете скучать, есть кашу и пить кисель.

– Вы давно его знаете? – вполголоса спросил Трубецкой у Рылеева.

– Вы о ком? – не понял Рылеев. – О полковнике Булатове? Мы вместе воспитывались в Первом кадетском корпусе.

– Нет, я не о полковнике.

– О ком же?

– О графе Денгофе. Кто он?

– Впервые вижу, – пожал плечами Рылеев. – По виду – воспитанный, образованный, благородных кровей.

– Но мы так откровенно при нем говорили. Не опасаетесь?

– Пустое, – махнул рукой Рылеев и вновь открыл газету. – Разве граф похож на ищейку? – беззаботно усмехнулся. – Негоциант. Я таких за версту чую. Вон, хотя бы, обратили внимание на его часы. С виду золотые, но на самом деле – позолота. Английские торговцы прижимистые.

– Но он же сказал, что из Курляндии.

– Из Курляндии. Ну, так что? Да, происходит из Курляндии. Нынче в Англии живёт.

– Он рассказывал о себе?

– Да, как-то все больше молчал. Что-то про доставку хлопка из Америки.... Поверьте, эти коммерсанты весьма неразговорчивы. Все у них какие-то тайны. Наверное, боятся удачу спугнуть.

– А мне взгляд его показался странным. Он так внимательно смотрел и слушал, как будто записывал, – настороженно произнёс Трубецкой. – А потом, очень странно: граф, а занимается торговлей.

– Всё вам ищейки мерещатся, – криво усмехнулся Рылеев. – Коммерсант он, хотя и граф. Наступают другие времена, друг мой. Я тоже занимаюсь торговлей. Лучше уж быть сытым негоциантом, чем голодным аристократом.

Рылеев принялся за чтение очередной статьи.

Граф Денгоф на несколько минут задержался у прилавка с засахаренными фруктами, но ничего не выбрал. У другого, бакалейного прилавка купил полфунта чаю, фунт колотого сахара, пару шоколадных фигурок и попросил вечером доставить покупки к себе в номер. Расплатившись, вышел на Невский. Взглянул в утреннее осеннее небо. Облака рваными кусками ваты проносились по бледной синеве. Солнце виновато проглядывало сквозь неровную дымку.

Крупные редкие снежинки медленно кружились, как бы высматривая, куда лучше упасть. Граф поёжился.

Следом из кондитерской вышли капитан Якубович и полковник Булатов. Шли неуверенно, пошатываясь.

– Рады были с вами познакомиться, – сказал Якубович, протягивая длинную руку с широкой ладонью. – Вы изумительный собеседник.

– Спасибо за комплемент, – ответил граф Денгоф. – Всегда приятно поговорить с умными людьми.

– А приходите-ка вечером к нам в собрание, – предложил Якубович, осторожно надевая треуголку на голову, поверх чёрной повязки. – Приходите. Скажите, что пригласил вас я. Якубовича каждая собака знает.

– Буду весьма рад. Но что мне делать в офицерском клубе? Я штатский, и никогда не служил в армии.

Офицеры переглянулись и засмеялись.

– Нет, не в офицерский клуб, – ответил капитан, лихо крутнув свой пышный чёрный ус. В Российско-Американское общество.

– И что вы обычно делаете в этом Российско-Американском обществе?

– Что обычно делаем? – пожал плечами капитан. – В карты играем, пьём шампанское, ведём споры о спасении России. Иногда устраиваем «Русские вечера». Хотя Рылеев не любит слишком шумные застолья. Он – человек семейный, обросший бытом, так сказать.... Жена молодая, ребёнок, корова на заднем дворе....

– Я уже несколько раз слышал о «Русских вечерах», но не могу взять в толк: что это такое?

– Все просто, – усмехнулся Якубович: – Пьём исключительно водку; закусываем квашеной капусткой и солёными огурчиками. Музыканты – только балалаечники. Говорим, соответственно, на русском языке. Кто замурлыкал парле Франсе – с того штраф. Но это все – не главное. Я вас познакомлю с удивительными людьми. Вы не пожалеете. Вы обязательно найдёте единомышленников. Вот, полковник Булатов не даст соврать. – Он дружески хлопнул по плечу товарища.

– Конечно. Приходите, – подтвердил полковник, но без всякого энтузиазма.

– Непременно буду, – заверил офицеров граф. – Правда, я только приехал, и толком ничего не знаю. Постараюсь быстренько разобраться с делами и – обязательно посету ваш вечер.

– Договорились! – обрадовался капитан Якубович. Кликнул извозчика, но вновь обернулся и предложил: – А не желаете с нами в ресторацию, прямо сейчас? Мы тут в «Медведь» собрались. Отменный рестораник! Утром подают чудесные кулебяки с рыбой. И водка весьма приличная: не смердит.

– Нет, господа, спасибо... Дела.

– Жаль! Жаль! Но вот ещё что! – вспомнил неугомонный капитан. – Завтра великий вечер балета. Вам непременно нужно посетить Императорский театр. Танцует Истомина. Вы слышали о нашей русской Терпсихоре? Она воистину – неземная! Божественная!

– Признаться, нет, не слышал, – смущённо улыбнулся граф.

– Ах, как так? – ужаснулся Якубович и воззвал к полковнику Булатову: – Представляете, наш друг не слышал об Истоминой.

– Ну, полноте вам, – махнул рукой Булатов. – Истомина хороша, соглашусь, но там ещё будет танцевать Екатерина Телешева. Вот на кого я бы обратил внимание!

– Хорошо, не буду с вами спорить! – согласился Якубович. – Один раз я уже поспорил об Истоминой – пришлось стреляться. Прощайте! – кинул он напоследок графу.

Полковник Булатов, усевшись в коляску, попрощался с графом особым масонским знаком. Тот ответил. Коляска с весёлыми офицерами укатила.

Из кондитерской выбежал пожилой официант с седыми пышными баками, растерянно поглядел вслед коляске:

– Вот же-с! – всплеснул он руками. – Господа офицеры забыли за вино уплатить-с.

– Они не нарочно, – попытался успокоить его граф.

– Конечно-с, – плаксиво произнёс официант. – Только уже пятый раз забывают-с. Не нарочно-с.

– Не стоит переживать. Вот, возьмите, – он откинул полу плаща, вынул из кармана сюртука кожаный кошель. – Прусские талеры берете?

– Берём-с, – обрадовался официант. – Премного-с благодарен.

Старик долго кланялся, расплывшись в любезной улыбке, а граф не спеша зашагал по Невскому, в направлении Фонтанки, уверенно цокая подбитыми каблуками по серой булыжной мостовой. Он перешёл через Екатерининский канал по каменному мосту с ажурной чугунной оградой; миновал Гостиный двор с его вечной сутолокой; остановился перед Садовой улицей, пропуская эскадрон красногрудых конногвардейцев. Несколько раз Ваньки, проезжая мимо, предлагали подвести «не за дорого», но он отказывался. Наконец граф подошёл к Аничкову дворцу. Великолепное трёхэтажное здание выходило на Невский боковым фасадом. Парадный фасад был повернут к Фонтанке. Придворный архитектор Старов придал дворцу строгий монотонный вид: высокие окна, ложные квадратные колонны с коринфскими ордерами. Никакой лепнины. Среди каминных труб возвышался небольшой купол дворцового храма.

У парадного въезда на часах стояли гвардейцы Измайловского полка. Граф обратился к дежурному офицеру. Достал небольшой конверт и попросил передать адъютанту великого князя Николая Павловича.

Вскоре появился невысокий, плотно сбитый офицер в темно-зелёном мундире с золотыми эполетами. На крутом лбу сияла залысина, обрамлённая черными выющимися волосами, аккуратно подстриженными. Под мясистым носом пышные усы. Такие же пышные баки спускались от висков до подбородка.

– Флигель-адъютант Его Высочества, граф Адлерберг, – представился он.

– Рад знакомству, – слегка приподнял боливар посетитель. – Граф Александр Денгоф.

Флигель-адъютант попросил гостя пройти за ним во дворец.

Полковник с графом попали через высокие стеклянные двери в просторный холл. Во дворце было натоплено и уютно. Интерьер скромный, но украшен с европейским строгим вкусом. В нишах, меж ложных колонн изумрудного цвета, застыли копии античных скульптур. Большие хрустальные люстры нависали с потолка сверкающими каскадами. По правую руку поднималась широкая парадная лестница, устланная красным ковром. Полковник Адлерберг с гостем поднялись на второй этаж мимо большого настенного зеркала. Пройдя узким боковым коридором, вошли в небольшой кабинет с простой мебелью и незатейливыми зелёными обоями.

В кабинете находились двое. За секретером у окна сидел высокий молодой человек с красивыми чертами лица, в простом военном мундире. Он читал письмо, поданное графом. В углу на диванчике расположился статный генерал средних лет. Генерал подозрительно и очень внимательно ощупал посетителя взглядом.

– Граф Александр Денгоф, господа, – объявил флигель-адъютант Адлерберг.

Молодой человек оставил письмо и встал из-за секретера. Генерал так же поднялся с дивана и подошёл ближе к гостю. Полковник Адлерберг представил графу молодого человека:

– Великий князь Николай Павлович, – после генерала: – Генерал от кавалерии Александр Христофорович Бенкендорф.

– Добрый день, – приветствовал гостя Великий князь – Вас рекомендовал генерал Чернышев. – Он показал письмо, которое только что прочёл. – С какой миссией вас прислали?

– Мне предписано быть возле вашей персоны и давать советы, – ответил гость.

– Советы? Какие советы? Зачем? – удивился генерал Бенкендорф. – И кто вы? Судя по фамилии, вы из Швеции?

– Из Курляндии, – поправил Александр Денгоф. – Ношу отцовский титул графа, но уверяю вас, семья моя небогатая.

– Вы служили при генерале Чернышеве? – попросил уточнить Николай Павлович.

– Имею честь и сейчас служить.

– Но у вас не военная выправка, – заметил полковник Адлерберг.

– Ах, простите, я – лицо гражданское. – Он кинул виноватую улыбку.

Возникла пауза.

– Прошу прощения, но вы нам толком ничего не объяснили, – пожал плечами Бенкендорф.

– Я вас вполне понимаю, – согласился гость. – У вас возникло много вопросов.

– Действительно, – согласился Николай Павлович. – Посудите сами: внезапно приносят странное письмо от генерала Чернышева, в котором он просит принять его протекже и, почему-то, следовать советам этого никому незнакомого человека, при сем – советам следовать неукоснительно. Как я должен к вам относиться?

– Вы специалист в какой области? – задал вопрос Бенкендорф.

– Во многих: политика, коммерция, медицина, техника..., – начал перечислять гость.

– Ну, хорошо. Разберёмся по ходу беседы. Пройдёмте в малую столовую, – предложил Великий князь. – Прикажу накрыть стол к чаю.

В небольшом светлом зале с высоким потолком стоял круглый стол. Вокруг теснились низкие мягкие стулья. Стены затянуты малиновой обойной тканью. Пара напольных китайских ваз возле мраморного камина разбавляла строгий европейский интерьер экзотикой востока. Тяжёлая хрустальная люстра свисала с потолка, украшенного лепниной. На окнах тяжёлые малиновые портьеры. Все расселись за столом. Слуги внесли чайный фарфор. Разлили по чашечкам чай. Из угощений – сухое печенье из немецкой лавки и клюквенное варенье; колотый сахар и мармелад.

– Господа! – воскликнул Адлерберг и тут же вскочил.

Все последовали его примеру, увидев вошедшую молодую даму. Высокая, стройная, очень красивая, с бледной кожей лица и большими темными глазами. Зелёное закрытое платье строгого покроя, без всяких излишеств, сидело на ней безукоризненно. Синий шёлковый пояс перетягивал удивительно тонкую талию. Темные волосы убраны под лёгкий кружевной чепец. Стройную высокую шею обвивала скромная нить жемчуга.

– Простите, господа, кажется, я не вовремя, – извинилась она мягко, на-французском. Нетвёрдое произношение выдавало в ней немку. На бледных щеках от смущения появился едва заметный румянец.

– Ну, что вы, Александрина, – с нежностью, произнёс Николай. – У нас, как раз, гость. Граф Денгоф, – представил он. – Только что из Англии. А это – моя супруга, Великая княгиня Александра Фёдоровна.

– Очень приятно! – Граф поцеловал тонкую руку княгини, затянутую в белую атласную перчатку.

– Из Англии? – оживилась она. Оценивающим взглядом пробежалась по костюму гостя. – Как чудесно! Вы поведаете мне о последней моде Лондона? Париж нынче мало интересен.

– Александрина! – укоризненно покачал головой Николай Павлович.

– Мой друг, не забывайте, что я – женщина, – кокетливо улыбнулась она. – Мужчин интересуют лошади и пушки, а нам важны наряды.

– Так оставайтесь с нами. Мы как раз сели за чай, – предложил полковник Адлерберг.

– Нет, нет, – покачала Александра Фёдоровна изящной головкой. – У вас мужские разговоры. Продолжайте.

– Уверяю вас, – попытался удержать супругу Николай Павлович. – Вы только украсите наше общество.

– Простите... Я бы с удовольствием, но к Сашеньке и Машеньке в гости приехали дети Голицыных. Мы пойдём гулять в сад, а потом у нас назначен обед. Я заказала музыкантов. Надеюсь, Ваше Высочество, вы присоединитесь к нам после обеда?

– Постараюсь, – пообещал Великий князь, провожая Александрина.

Все вновь сели за стол. Под порывом ветра задребезжали окна, вот-вот готовые распахнуться. Слуги кинулись к рамам, чтобы крепче задвинуть затворы.

– Надо нанять столяров, – озабоченно покачал головой Адлерберг. – Уж сколько дворец не ремонтировали.

– Ничего. Перезимуем как-нибудь, а весной переедем в Павловское или в Гатчину, тогда и ремонтом займёмся, – успокоил его Николай. – Государь обещал нам с Александрinou подарить к осени загородный дом... Видно, ничего не подобрал достойного. Да ещё детям пора подыскивать воспитателей. Старшему Сашеньке нынче шесть исполнилось. Император присоветовал в роли воспитателя взять полковника Мидлера.

– Достойнейший человек, – согласно кивнул Адлерберг. – Выдержанный, строгий, образованный. Лучшего воспитателя не найти.

– Вот, и я так думаю. И Машеньке надобно воспитательницу построжее. Александрина вовсе её разбаловала.

– Не желаете завтра сводить Александру Фёдоровну в театр? – предложил Адлерберг. – Начинается сезон. Будет танцевать Телешева.

– Эта юная чудесница, новая пассия генерала Милорадовича? – усмехнулся Николай Павлович. – Она мила. Но боже! Ей всего двадцать исполнилось, а нашему уважаемому льву-генералу уже пятьдесят четыре. Как же так?

– Это же – Милорадович – вечно молодой сердцеед, – возразил Адлерберг.

Николай и Адлерберг рассмеялись. Но генерал Бенкендорф не разделял их веселье и оставался серьёзен.

– Господа, прошу прощения, – обратился он. – Мы совсем забыли о нашем госте. – В упор взглянул на Денгофа, – Итак, мы слушаем: зачем вас прислал генерал Чернышев?

Гость выдержал взгляд и спокойно ответил:

– Быть полезным Великому князю.

– Но, что у вас за... как сказать... функция?

– Предупреждать неприятности.

Бенкендорф начинал терять терпение. Произнёс с нотками угрозы:

– Поймите нас правильно, если бы я не знал генерала Чернышёва, как боевого товарища и весьма прозорливого человека, я бы вас тут же арестовал.

– Я вас понимаю, – невозмутимо согласился гость.

– Так, если понимаете, будьте добры выражаться яснее, – потребовал Бенкендорф.

– Прошу меня простить, но я сам ещё не знаю своей миссии, – извинился граф Денгоф.

– Ну, господа! – возмущённо воскликнул Бенкендорф, откинувшись на спинку стула.

– Вы, всё же, очень похожи на поляка, – решил перевести разговор Адлерберг, чтобы погасить напряжение.

– Да. – Гость слегка пожал плечами. – В России меня принимают за поляка, в Германии – за эльзасца, во Франции – за нормандца, в Италии – за пьемонтца, в Англии – за шотландца.

– А в Англии что вы делали? – подметил Бенкендорф.

– Я там служил. Вернулся только вчера.

– Вы над чем работали? – попросил уточнить Бенкендорф. – По торговой части?

– Я собирал сведения, – неопределённо ответил гость. – Исследовал рынок. Занимался банковским делом, транспортом, издательством – всего понемногу.

– Но, позвольте, вы так и не сказали, от каких неприятностей должны меня ограждать? – напомнил Николай Павлович. – У меня достаточно адъютантов. Времена нынче мирные. В стране всё спокойно. Я только недавно вернулся из инспекторской поездки: был в Бобруйске. Вскоре готовлюсь провести смотры инженерного училища и гвардейской дивизии. Что за неприятности меня могут подстергать? Объясните!

Но вопрос повис, так, как в это время вошёл дежурный офицер и доложил: прибыл генерал-губернатор Петербурга, граф Милорадович. Просит срочно аудиенции.

– Странно! – Николай Павлович взглянул на большие напольные часы. – Генерал-губернатор должен сейчас быть на заседании Сената. – Пусть поднимается к нам.

– Он попросил вас лично, – учтиво ответил дежурный офицер.

– Простите, господа. – Николай Павлович отставил чашку с недопитым чаем. Пожал плечами. – Ничего не понимаю. Но коль генерал-губернатор Петербурга просит аудиенции тет-а-тет, – не имею права отказать, – и вышел вслед за офицером.

– Давно вы знаете генерала Чернышёва? – допытывался Бенкендорф у гостя.

– Давно. Ещё при императоре Павле Петровиче.

– Вы бывали при дворе? – поинтересовался полковник Адлерберг.

– Нет. Я редкий гость в России. Однако у меня есть несколько докладов к императору по поводу английских коммерческих компаний и организации банковского дела.

– К сожалению, царя сейчас нет в Петербурге, – сообщил Бенкендорф. – Государь нынче отъехал на юг, в Таганрог. У императрицы неладно со здоровьем. А вы где нынче остановились?

– В доме купца Котомина. Чудесные номера с видом на Невский. На первом этаже кондитерская лавка.

– Говорят у Котомина шумно, – заметил Адлерберг.

– Ничуть, – возразил гость. – Чисто и уютно.

Вскоре вернулся Николай Павлович. Все сразу заметили, как он переменялся: вид его был какой-то странный, растерянный. Он оглядел всех непонимающим взглядом, хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Генерал Бенкендорф тут же вскочил с места.

– Что случилось?

– Господа, весьма неприятное известие, – с трудом выдавил из себя Николай. Откашлялся и более твёрдо произнёс: – Письмо от генерала Дибича из Таганрога. Император болен.

– Как, болен? Что за болезнь? Может, обыкновенная простуда? – забеспокоился Бенкендорф. Быстро взял письмо из рук Николая. – На юге немудрено в такую пору простудиться.

– Я ничего не понимаю, – растеряно развёл руками Николай Павлович. – Дибич пишет, что болезнь серьёзная.

– Насколько серьёзная? – забеспокоился Адлерберг.

– Генерал Дибич пишет, – Николай Павлович сглотнул комок, – что надо готовиться к любому исходу.... Какому исходу? На что он намекает? Мне непонятно. Все так неожиданно... Нужно как-то осторожно сообщить матушке... Прошу прощения, господа, но мне надобно срочно ехать к императрице.

Он быстро вышел.

– Мы должны отправиться в Зимний дворец, – сказал Бенкендорф графу Денгофу. – Вы уж извините, что так получилось.... Видите, какая неожиданная неприятность.

– Я навещу вас вечером. Надеюсь, с императором ничего серьёзного.

– Мы тоже надеемся, – согласился Бенкендорф.

– Но прежде попросил бы вас..., – понизив голос, произнёс Денгоф.

– О чём?

- Я видел: у входа дежурят гвардейцы Измайловского полка.
- Да, сегодня их смена, – подтвердил полковник Адлерберг, не понимая, в чем проблема?
- Не могли бы вы вызвать взвод надёжных солдат и поставить их охранять покои Великой княжны и детей?
- Что? – только и смог произнести Бенкендорф.
- О чем вы? Надёжных?... чего? Кто может быть надёжной гвардии? – с возмущением произнёс Адлерберг.
- Я вас настойчиво прошу.... На всякий случай....
- Но что может угрожать детям Великого князя? – Адлерберг насторожился, невольно хватаясь за эфес шпаги.
- О, господи! Если бы я не знал Чернышёва, я бы решил, что вы – сумасшедший, – чуть не вскипел Бенкендорф.
- И всё же, прошу вас. Всё объясню вечером, – твёрдо настаивал граф Денгоф.
- Если вы – серьёзно, я вызову лейб-казаков, – сверля гостя взглядом, пообещал Адлерберг. – Но, ради Бога, объясните!
- Сейчас – не могу. Простите. Я сам толком не знаю. Но у меня инструкция от генерала Чернышёва: наследный князь Александр должен быть под надёжной защитой, – уверенно сказал граф.
- Бенкендорф повернулся к полковнику Адлербергу:
- Коль генерал Чернышёв приказал, надо исполнять. Александр Иванович глупостями заниматься не будет.
- Адлерберг кивнул:
- Надо!
- Черт знает что! – в конце не выдержал Бенкендорф. И обратился к графу Денгофу: – Надеюсь, это – простая предосторожность.
- Граф Денгоф только пожал плечами.

Ожидание

Лампы горели тускло, едва освещая позолоченную лепнину на стенах камердинерской перед покоем императрицы. Николай Павлович приказал оставить только две лампы, остальные погасить, чтобы зря не жечь масло. Сам Великий князь стоял у окна и тревожно взирал на ночной город. Шёл снег, ровным белым слоем укрывая пустую Дворцовую площадь. Напротив Генеральный штаб. Светились несколько окон в караульных помещениях. Дальше, величественное здание Адмиралтейства подпирало шпилем ночное небо. Рота гренадёров строевым шагом пересекла площадь, оставляя тёмную дорожку следов.

Генерал Бенкендорф сидел за секретером и писал. Аккуратно макал перо в чернильницу, быстро наносил буквы мелким, убористым подчерком на лист почтовой гербовой бумаги. Полковник Адлерберг стоял, опершись о каминную полку, и барабанил пальцами по мраморной плите. За стеной слышались приглушенные рыдания.

– Матушка императрица весьма расстроена, – произнёс с сожалением Николай. – Никак не успокоится. Чем только её не отпаивали.

– Возможно, все обойдётся, – несмело предположил Бенкендорф, не отрываясь от работы. – Император Александр всего лишь подхватил простуду. С кем не бывает? Поправится.

– Дай Бог! Дай Бог! – еле слышно ответил Николай.

– Но, господа, надо быть готовым к любому исходу дела, – осторожно возразил полковник Адлерберг. – Дибич так написал.

– Нам? – удивлённо пожал плечами Николай. – Мы – солдаты. Мы всегда готовы к любому исходу. Наше дело – выполнять приказы. Выше нас есть Сенат, Священный Синод, Государственный Совет и целый генерал-губернатор. Нам, господа, только останется ждать приезда цесаревича Константина и молиться.

Напольные часы зашуршали, зашипели, затрещали и пробили семь вечера. Им гулко вторили часы в соседнем приёмном зале.

В дверях возник дежурный офицер.

– Фельдъегерь с донесением из Таганрога, – доложил он.

– Зовите! – восторженно Николай Павлович.

Бенкендорф откинул в сторону перо и быстро встал. Адлерберг перекрестился.

Тяжёлой поступью вошёл фельдъегерь в длинном дорожном плаще. От него пахло морозом и лошадиным потом. Бенкендорф принял из его рук конверт.

– Скорее, что там? – нетерпеливо попросил Николай Павлович. Он потянулся за конвертом, но тут же отдернул руку. Боялся прикоснуться. Боялся узнать, что за весть в нем таится: чёрная, как горе или белая, как надежда?

Генерал вскрыл письмо, начал читать, наклоняясь ближе к лампе.

– Письмо от Елизаветы Алексеевны, – сообщил он бодро. Лицо его разгладилось, прояснилось. – Слава Богу! Императору лучше!

– Лучше? – громко переспросил Николай.

– Она так и пишет: Ему заметно лучше, но он очень слаб.

– Дайте-ка мне, – попросил Николай. Прочитал и с облегчением выдохнул: – Вот и хорошо! Пойду, обрадую матушку.

Великий князь проследовал в покои императрицы. Генерал Бенкендорф снова сел за стол. Убавил на лампе фитилёк, отчего в помещении стало ещё сумрачнее. Вновь принялся писать.

– Думаете, обойдётся? – спросил у него Адлерберг. В тоне сквозило мрачное сомнение.

Генерал Бенкендорф пожал плечами.

– Будем надеяться..., – неопределённо пробурчал он.

Вернулся Николай Павлович.

– Матушка уснула, – почти шёпотом произнёс он. – Молимся, господа, молимся за здоровье императора.

– К вам граф Александр Денгоф, – доложил дежурный офицер.

– Пригласите! – разрешил Николай.

Вошёл утренний посетитель все в том же плаще горохового цвета. Снял свой модный боливар и положил его на столик.

– Ваш приезд очень странно совпал с болезнью императора, – встретил его Николай.

Денгоф, прислушался к завыванию ветра за окном.

– Всего лишь – совпадение? – то ли ответил, то ли спросил он.

– У меня такое чувство, что я вас раньше видел, – попытался вспомнить Николай Павлович, внимательно вглядываясь в лицо гостя.

– Возможно, – уклончиво ответил тот.

– Но где? Не томите. Что вы, в самом деле, такой скрытный?

– В Або, – ответил гость. – Вы тогда приезжали, чтобы принять должность канцлера университета Великого княжества Финляндского.

– Вы учились в университете? – удивился Николай Павлович.

– Нет.

– Так, что же вы там делали? По службе?

– По службе.

Опять повисла неловкая пауза. Бенкендорф зло усмехнулся.

– Ну, хорошо, – сдался незнакомец. – Вы помните, во время вашего пребывания в Або вам несколько раз делали предложения вступить в разные тайные сообщества.

– Да, предлагали, – согласился Николай Павлович. – Масоны. Но дальше предложений дело не зашло. Но к чему вы об этом вспомнили?

– Я уберёг вас от неприятностей и всякого рода «ненужных» знакомств.

– Так вы – человек без лица, – сообразил генерал Бенкендорф.

– Вы совершенно правы, – нехотя ответил Денгоф.

– Вот, в чем дело! И вас прислал генерал Чернышёв. – Бенкендорф внимательно, поновому посмотрел на гостя. – Так, это правда, что у него агенты во всех дворах Европы? Ох, уж этот Чернышёв!

– Вы даже не представляете, насколько у него сильные связи, – согласился граф Денгоф. – Ваша сестра, кстати...

– Доротея! – встрепенулся Бенкендорф. – Вы с ней встречались в Лондоне?

– Я с ней работал. Ваша сестра – поистине – гений разведки. Ей под силу раздобыть любые секреты.

– Коль так, то поручение у вас серьёзное, – решил Николай. – И сейчас вы пришли с какой-то вестью? Я это чувствую.

Денгоф достал из кармана лист почтовой бумаги, сложенный вчетверо.

– Я только что получил письмо от генерала Чернышёва, – сказал он и выразительно взглянул на собеседников. – Сведения чрезвычайно секретные.

– Здесь нет лишних ушей, – уверенно ответил Николай Павлович.

Полковник Адлерберг плотнее прикрыл входную дверь.

– Возможно, императора отравили, – выдал Денгоф, отчего все замерли в недоумении.

Николай, Бенкендорф, Адлерберг переглянулись.

– Повторите, – попросил Адлерберг.

– Позвольте, вы сказали: отравили? – не понял Николай

– Что это значит? – вскочил с места Бенкендорф.

Николай сделал невольно шаг вперёд.

– Вы не ослышались, господа, – твёрдо сказал Денгоф. – Граф Чернышев ведёт расследование.

– Но кто высказал подобную мысль? – допытывался Бенкендорф.

– Лейб-медик Его Императорского Величества Виллие.

– Как он это объясняет? – попросил уточнить Николай.

– Болезнь определили, как лихорадку. Но симптомы больше напоминают тиф, хотя, по внешним признакам на тиф вовсе не походят.

– Нет, лихорадки не может быть, – отрицательно покачал головой Николай Павлович. – Брат три раза переболел лихорадкой, и перенёс её преспокойно, на ногах. У него было отменное здоровье. Он зимой редко шубу носил. Вы же помните, господа, он только один раз серьёзно болел, когда на смотре повредил ногу. А сейчас ему всего сорок восемь. Он может провести целый день в седле и нисколько не утомиться.

– Из этого следует, что имеет место покушение? – глухим голосом произнёс Бенкендорф. – Этого ещё не хватало.

– Нет, господа, это – бред какой-то, – возмутился Николай. – Кому понадобилось....? Кто посмел...?

– Возможно, Виллие ошибается. Я ничего не утверждаю, – ответил Денгоф.

– Но, позвольте, – возмущённо произнёс Бенкендорф. – У меня даже в голове не укладывается: кому вдруг понадобилось совершать покушение на царя? Если действительно такой факт имел место, то замешаны должны быть люди из его ближнего окружения. Да, к тому же, в одиночку столь дерзкое злодейство совершить невозможно. Но среди адъютантов государя и поверенных – все надёжные, уважаемые персоны.

– А вы не предполагаете возможности влияния из-за границы? – спросил граф Денгоф.

– Вы что-то знаете? Говорите! – потребовал Николай.

– В Англии я занимался одним расследованием. Буквально недавно из Лондона в Петербург прибыла большая сумма в золотых монетах. Назначение платежа – неизвестно.

– Деньги из Англии? – удивился Николай Павлович. – А Англия здесь при каких делах?

– Английский кабинет весьма расчётлив. Казначейство считает каждый пенс. Они не будут просто так посылать золото без назначения платежа и подробного отчёта.

– Что затевает английский кабинет на этот раз? – Бенкендорф подошёл ещё ближе. – Что вам удалось разузнать?

– Этого я выяснить не успел. Меня раскрыли и арестовали.

– Почему отпустили? – с подозрением спросил Николай. – Могли ведь просто – убить.

– Нет. Людей без лица не принято убивать, – Александр Денгоф грустно улыбнулся одними губами. – В это же самое время в Петербурге были арестованы двое негоциантов, торговавших колониальными товарами. Они шпионили на английское правительство. Помните?

– Действительно, было недавно такое происшествие, – подтвердил Бенкендорф. – Пытались получить из Морского ведомства планы Кронштадтских укреплений. Но их отпустили и даже извинились. Вина не была доказана.

– Их обменяли на меня, – объяснил Денгоф.

– Что же хочет затеять Англия, по-вашему? – требовал ответа Николай. – И как это связано с болезнью императора?

– Мне предстоит это выяснить. Пока ответа нет.

– Хотите сказать, что, все же, имеет место покушение на императора, и помогает в этом английский кабинет? – с глубоким сомнением спросил Адлерберг.

– Действительно, это – бредовое утверждение, – высказался Николай. – Александр в прекрасных отношениях с Лондоном. В войне Англия щедро помогала деньгами и оружием. А после погасила часть российских долгов перед кредиторами.

– Вы же помните внезапную кончину вашего отца, императора Павла Петровича, – произнёс глухо Денгоф. – Англия тогда, бесспорно, приложила к этому своё золото.

У Николая Павловича напряглись скулы. Глаза потемнели от гнева.

– Ничего не доказано, – твёрдо возразил Бенкендорф. – Врачи констатировали апоплексический удар.

– Да, бросьте! – зло махнул рукой Николай. – Давно всем известна истинная причина. Отца убили. – Он отвернулся к окну. – Англия? Вот, с Англией, действительно, ничего не доказано. Англия, подобна скользкой гадюке: не поймать, не удержать, а жало – смертельное. И кусает всегда подло.

– Возможно, в этот раз Лондон просто прислала деньги для торгов. Мало ли что понадобилось: лес, пенька, хлеб... ещё какой-нибудь другой товар, – несмело предположил Бенкендорф.

– Оставим на время всякие домыслы, господа, – решительно сказал Николай. – Что толку в наших догадках, когда нет никаких доказательств. Будем молиться за здоровье императора. Молитва сейчас – важнее всего.

– Надо известить цесаревича Константина Павловича и попросить его немедленно приехать из Варшавы, – предложил Бенкендорф. – В случае сильной болезни императора или, не дай Бог, кончины, он должен быть здесь. Он наследует корону.

– Согласен с вами, – Николай уверенно кивнул. – Константин нужен в Петербурге. Вы сможете ему написать?

– Конечно! – Бенкендорф решительно подошёл обратно к бюро.

– Простите меня, господа. Мне надо увидеть жену и детей. – Великий князь стремительно вышел.

– Ваше известие ввергло нас в смятение, – с неудовольствием признался Бенкендорф Денгофу. – Даже не представляю, где искать концы, на кого подумать... Окружение царя? Не может быть. Англия? Зачем? Что-то не сходится.

– Много ли в Петербурге тайных обществ? – вдруг спросил граф Денгоф.

Бенкендорф даже не сразу понял его вопроса. К чему он? Но, подумав, ответил:

– Как у собаки блох. В какой кабак не загляни – везде тайные общества заседают. Что не офицерская квартира – так, или артель, или тайное собрание. Всякий нынче мнит из себя спасителя и благодетеля России. Наполеонов – как грибов после дождя.

– Что же они предпринимают?

– Предпринимают? – усмехнулся Адлерберг. – Что они могут предпринимать? Шепчутся, манифестики строчат, потом напьются – и орут всякие непристойности. Нередко дерутся на дуэлях по поводу расхождения во взглядах.

– Я не думаю, что тайные общества таят в себе большую угрозу, – высказал своё мнение Бенкендорф. – Кого не возьми из офицеров или чиновников – обязательно масон. Вы же тоже, Владимир Фёдорович, состоите?

– Было дело, вступил, – нехотя согласился полковник. – Завлекли благостными разговорами о тайнах мироздания, о свободах, о человеколюбии... Сейчас все это чушью кажется.

– Не могли бы вы мне рассказать вкратце о восстании в Семёновском полку. Я в то время был в Америке. Слышал скудные новости, да все урывками, – попросил граф Денгоф.

– Семёновский полк? – удивился Бенкендорф. – Какая связь?

– Слышал, все началось именно с запрета офицерской артели.

– Действительно, – согласился Бенкендорф. – Как-то я не задумывался о сем факте. Да, именно с запрета офицерской артели. Но восстали нижние чины. Паскудное дело, отвратительное, – недовольно покачал головой генерал. – Лучший лейб-гвардейский полк, созданный ещё Петром Великим, – и бунт.... Вы присаживайтесь, – предложил он гостю кресло напротив. – Пять лет уж минуло, но, знаете, осадок до сих пор остался. Я помню семёновцев в Бородинском

деле. Они незыблемой стеной стояли за батареей генерала Раевского – в самом горячем, самом опасном месте сражения. Побило многих тогда. Вы же не представляете, что это такое – стоять плечом к плечу и смотреть, как в тебя бьёт артиллерия, как жутко рокочат ядра, пролетая в вершке над тобой, как с треском лопаются гранаты, как сбивает с ног тех, кто стоит рядом с тобой. Головы отсекает, разрывает на части.... Стоять и каждую секунду ждать смерти....

– Простите, действительно, не представляю, и даже не очень понимаю, – признался Денгоф, поёжившись. – А разве нельзя прилечь или рассредоточиться.

– Нельзя. Надо стоять и не пригибаться. Впереди все поле в пороховом дыму. В любой момент могут вынырнуть кирасиры или уланы. Если не держать строй – наскочат и перерубят всех, – объяснил Адлерберг.

– Видели бы вы атаку Семёновского при Кульме! Вандам захватил нашу артиллерию и перекрыл дорогу. Сзади по пятам русскую армию преследовали основные войска Наполеона. Мы окружены! Грозил полный разгром! Позорная капитуляция! И в этот самый страшный момент Семёновский полк кидается в штыковую и опрокидывает французов, при этом несёт огромные потери, но вырывает победу. Да не просто – победу, они спасают всю армию, спасают честь России.

– Так вот, офицеров в Семёновский полк набирали не абы как, а по протекциям, – продолжил рассказ Бенкендорф. – Все из благородных фамилий. В Семёновском полку числился император. Он был шефом первой роты, первого батальона. Эта рота всегда открывала парады. По возвращению из заграничного похода полком командовал Яков Алексеевич Потёмкин. Генерал-адъютант. Храбрейший человек. С полком прошёл всю войну. С гордостью носил Кульмский крест. Солдаты его, как отца родного почитали. Для них первое лицо в России – император, а второе – Потёмкин. С офицерами обращался, как с братьями. Возможно, из-за этого дисциплина в полку начала расшатываться. Да ещё Яков Алексеевич, по моему мнению, совершил большую глупость: разрешил торговать в полку вином.

– Вино недопустимо в армии? Простите, я не совсем понимаю службу, – извинился за вопрос Денгоф.

– Высочайший указ вышел в восемнадцатом году о том, дабы не допускать нижние армейские чины в питейные дома, – вновь пустился в объяснение Адлерберг. – Произошло множество мордобоев. Завалятся солдаты в кабаки, всё сначала спокойно-чинно. Потом хватят изрядно, да давай мирных обывателей французскому учить, да по зубам им, коль кто урока не понимал. Городовые прибегут разнимать, так и городовым доставалось. Наказывать солдат строго нельзя – вся грудь в орденах. Пристыдить – попробуй, они такого тебе расскажут: мол, мы кровь за Россию проливали, всю Европу прошли с боями, товарищей тысячами хоронили, а вы тут жировали в это время.

– Все так и было, – согласился Бенкендорф. – Потёмкин решил, уж пусть лучше в казармах пьют. Там, хоть, товарищи свои же на буянов управу найдут. А тут пришёл срок, и Потёмкин пошёл на повышение. Назначили его командовать первой пехотной дивизией. Каким бы не был храбрым генерал, однако в мирное время делами надо заниматься сугубо хозяйскими. Потёмкин не мог командовать дивизией, да ещё приглядывать за полком. Всеми делами ведал полковой казначей. Сами понимаете, из казначея какой командир? Ему за полковой кассой надо смотреть, да жалование выдавать. Вот с этого все и началось.... Как-то прибыл король Пруссии в гости к Императору. На новорождённого внука посмотреть. Вы же знаете, Александрина Фёдоровна приходится первой дочерью королю Вильгельму. По этому случаю устроили парад. А кто должен открывать парад? Да конечно гордость и краса русской армии – лейб-гвардия. Произошёл казус. Прямо перед царственными особами один из батальонов сбился с шага. Представляете? Скандал!

– Простите, не очень представляю, – пожал плечами Денгоф.

– Как вам объяснить? Строй – это главный показатель части. Как часть ходит строем, так она и воюет. Железная дисциплина делает солдат непобедимыми. А тут – на тебе. Ладно бы какой-нибудь армейский полк.... Но лейб-гвардия! В общем – позор! – рубанул ладонью воздух Бенкендорф.

– Но позвольте, я не совсем понимаю: солдаты сбились с ноги. Но они же могут вновь восстановить шаг.

– Могут. Могут, – задумчиво произнёс Бенкендорф. – Не в том дело. Солдаты не должны сбиваться с шага, ни при каких обстоятельствах. Ладно, на параде, но когда в строю, плечом к плечу идут в штыковую атаку, и вдруг сойдут с ноги – все, строй развалился. А если надо срочно совершить манёвр или перестроиться, предположим, из колонны в каре, а у вас рота шагает кое-как – получится толпа баранов. Наскок кавалерии – и вы остались без роты.

– Ага, – неуверенно кивнул Денгоф.

– После того инцидента Потёмкин попросил отставить его от командования полком. Дивизионный генерал должен заниматься делами дивизии. По убедительной просьбе военного министра Аракчеева, на его место был назначен полковник Фёдор Ефимович Шварц. Ничего плохого про него сказать не могу. Боевой офицер. Проявил героизм на Бородинском поле, за что получил Владимира. Но у него был один, как сказать, недостаток или..., – Бенкендорф задумался, как лучше объяснить. В конце концов, рубанул ладонью воздух. – В общем, он был из захудалого рода. А как я вам раньше говорил, в Семёновский полк набирали офицеров из знатных фамилий или тех, кто кровью заслужил гвардейские эполеты. Шварц, при всех его заслугах, не попадал под эти категории. Ну и сам Семёновский полк – особое братство, я бы даже сказал – рыцарский орден. Законы чести соблюдались неукоснительно. Табак не курили. Пили только изысканные вина – никакой водки! Сквернословить запрещалось вообще! Упаси боже, офицера заметят где-нибудь в Шустер-клубе, – сразу вон из полка. А тут какой-то Шварц. Армеут тупоголовый. Злые языки судачили, будто Шварц быстро взлетел по карьерной лестнице, когда попал служить в гренадерский полк графа Аракчеева. Приглянулся он министру. Но это все – сплетни. Все же, повторяю, по моему личному мнению, Шварц – блестящий офицер. Правда, надо отдать должное, они характерами схожи: что Аракчеев, что Шварц – цепные псы: грубые, неподкупные, требовательные, жестокие. Оба из нищих дворян, по-моему, даже оба из Новгородской губернии.

– И вот, представьте, в лейб-гвардии Семёновском полку батальонами командовали полковники и подполковники, все из знатных, родовитых семейств, а над ними ставят армейского полковника, какого-то там Шварца. Потёмкин на квартире командующего полка, по традиции, собирает офицеров, произносит прощальную речь, обещая навеки сохранить в сердце боевое семёновское братство. Офицеры плачут, сердечно с ним прощаются.... Но никто, заметьте, никто! из них даже не подошёл и не поздоровался со Шварцем... Его не замечают. Его презируют. Потёмкин, тоже, молодец – попрощался с офицерами, развернулся и ушёл, так и не представив нового командира.

А вы знаете, в среде офицеров большинство проблем или каких-либо недоразумений решается не перед фрунтом, а в простом общении, за бокалом шампанского, в тесном кругу или просто тет-а-тет.... Но Шварца не приглашали в офицерский клуб. С ним никто не общался вне служебных реляций. Тогда он и проявил весь свой бешеный норов.

Я, кстати, также виноват в малой степени. Служил тогда начальником штаба гвардейского корпуса. Мне стали приходить жалобы о том, что Шварц несносен, постоянно истерит, хамит старшим чинам, срывается на младших чинах.

– У него никто не потребовал сатисфакции? – спросил Денгоф.

– Нет. Это же гвардейская часть, – удивлённо вздёрнул брови Адлерберг. – Начальников нельзя вызывать на дуэль. Эдак, вообще никакой дисциплины не будет. Нет, ну есть, конечно,

способ. Надо выйти в отставку, при этом потеряв все чины и звания, а после – вызвать. Но, и то – не по чести. Не принято так. Уж очень серьёзное должно быть оскорбление.

– Я вызвал к себе полковника Шварца и побеседовал с ним, – продолжал Бенкендорф. – Но он мне стал жаловаться, что его приказы игнорируют, требуют только письменных распоряжений, а иной раз даже и тех не выполняют: присылают отписки с просьбой разъяснить в подробностях, что от них хотят. В общем, пескарь попал в омут к щукам. Но, его тоже можно понять. Аракчеев приказал ему навести порядок в полку, он и старался. Шварц тут же запретил торговлю вином. К тому же, новый командир полка был сторонник марсомании и военной балетомании.

– Что, простите? – не понял Денгоф.

– Муштры, – пояснил Адлерберг. – Шагистики.

– В то время в полку солдаты сбивались в артели. В свободное время от службы нанимались на подённые работы. Деньги собирали в общую кассу артели. Тратили на обмундирование, на котёл. Помогали тем, у кого семьи с детишками. Офицеры, по примеру солдат, стали организовывать свои артели. Правда, помимо общего стола, использовали деньги на буйные застолья. Иногда такие застолья заканчивались безобразиями, порой – дуэлями. Шварц решил это дело прикрыть. Приказом запретил офицерскую артель. Офицеры возмущались, но приказ – есть приказ. Далее Шварц придумал десятичные смотры. Выбирал каждый день по десять человек из какой-нибудь роты и приказывал прибыть к нему на квартиру. Лично осматривал мундиры. Не дай Бог пуговичка не так пришита, или ремешок не того цвета, – тут же следовало наказание. Да ещё маршировать заставлял по несколько часов. Мне вновь поступили жалобы, что солдаты вынуждены покупать за свои деньги обмундирование. Полк потратил около десяти тысяч на всякие шнуры, пуговички, этикетки... Солдаты, занятые муштрой и смотрами не могли отлучаться на подёнщину. Дошло до того, что однажды на полковом утреннем смотре, когда Шварц проезжал верхом мимо фузилёрской роты, кто-то из солдат обозвал его дураком. Шварц потребовал проказника выйти из строя, но солдаты остались безмолвные. Тогда он слез с коня, прошёлся по шеренге, пристально вглядываясь в лицо каждого. Выдернул из строя солдата, по его мнению, выкрикнувшего оскорбление, и нахлестал его по щекам. В итоге ночью государева рота, первого батальона проявила неповиновение. Они выстроились в коридоре и отказались отходить ко сну. Отправили посыльного за командиром роты. Кашкаров Михаил Алексеевич тогда командовал. Но, вместо того, чтобы жёстко подавить бунт, Кашкаров начал с ними вести дебаты. И его можно понять: он с этими солдатами все войны прошёл, из одного котла ел; вместе под картечью стоял, да в штыковую кидался. Но дисциплина в гвардии – прежде всего. Солдата надо уважать, но не браться с ним. А Кашкаров, не видя Шварца, принял сторону подчинённых. Так вот, Кашкаров пообещал доложить командиру батальона о жалобах солдат. Утихомирил их. Но утром командир батальона, решив, что в части была попытка поднять бунт, выстроил государеву роту и потребовал выдать заговорщиков. Рота не подчинилась приказу, да ещё самовольно вышла из квартиры на плац. Потребовала, чтобы их выслушало полковое начальство, иначе они подадут жалобу самому царю. Солдат долго уговаривали. Правда, младшие офицеры не очень старались. Вызвали бывшего командира полка Потемкина. И тот не смог на них повлиять. Тогда привели вооружённый Финляндский фельдгегерский полк, и первую роту сопроводили в Петропавловскую крепость. После того, как государеву роту бросили в казематы, на плац вышел первый батальон в полном составе. А за ними второй и третий батальоны. А потом началось твориться, черт знает что. До сих пор не выяснено, кто разгромил квартиру Шварца. Ходили слухи, что среди офицеров созрел план: ворваться к Шварцу и прикончить его. Я, конечно, в это не верю, но квартиру ему разнесли основательно: побили стекла, мебель поломали, перепугали прислугу.... Хорошо, полковника предупредил денщик. Шварц, скрылся в расположении Измайловского

полка. Тоже, очень странное поведение боевого полковника. Он не из робкого десятка. К тому же Шварц хорошо владеет оружием. А в этот раз спрятался, словно заяц. Очень странно...

– А что требовали солдаты полка? – спросил Денгоф.

– Вернут государеву роту. Хорошо, что у них хватило ума не вскрывать оружейные комнаты. Уж не знаю, что бы тогда было. Семёновский полк в боевом порядке стоит пяти армейских полков. Пришлось генерал-губернатору, графу Милорадовичу прибыть на плац и вести переговоры. Позвали великого князя Михаила Павловича. Но и он не смог уговорить солдат. Генерал Потёмкин прибыл, генерал Васильчиков, я туда поспешил...

– А где в то время находился сам Император? – спросил Денгоф

– За границей, в Троппау, на очередном конгрессе «Священного Союза». Со слов генерала Дибича, когда император получил доклад о неповиновении гвардейского полка, пришёл в панику. Вы же знаете, как не раз бывало в России: гвардия становилась во главе переворотов. В итоге: вызвали лейб-гвардии конный полк и конную артиллерию. Милорадович решил весь Семёновский отправить в Петропавловскую крепость, от греха – подальше. Царь требовал жестоко наказать зачинщиков. Испугался он тогда не на шутку. Один из старейших гвардейских полков, созданный ещё Великим Петром, проявил неповиновение. Это – дурной знак. Расследование вели быстрое и жестокое. Офицеры все разом свалили вину на полковника Шварца. Мол, он виноват в бунте. Из-за его грубого поведения и издевательства над нижними чинами, все и произошло. Шварца, за то, что допустил бунт, приговорили к смертной казни.

– И что с ним сделали? – ужаснулся граф Денгоф. – расстреляли?

– Вот тут ещё одна интересная история, – усмехнулся Бенкендорф. – Его голову спас граф Аракчеев. Да так все хитро организовал – диву даёшься. Полковника, всего лишь, выгнали из гвардии. Сейчас он служит на Кавказе в том же звании. Никто его не притесняет. А сам полк, как это не прискорбно, расформировали.

– Позвольте задать вам ещё вопросы, – попросил Денгоф.

– Задавайте, – согласился Бенкендорф.

– Из происходящего сделали какие-нибудь выводы?

Бенкендорф недовольно хмыкнул.

– Нет. Увы. Начали искать заговорщиков. Доносы сыпались, как листья с дуба в октябре. Какие только дурацкие дела не рассматривали. Какой-то молодой прапорщик где-то на гулянке позволил крамольные стишки; кто-то анекдот про царя рассказал; у кого-то видели припрятанный томик Вольтера...

– А надо было как?

– Как надо было, я вам сказать не могу. Не знаю. Конечно, жестокость нужна, дабы не повторялось подобное.

– Кто вёл следствие?

– Генерал Милорадович. Кстати, – Бенкендорф задумался. – Он половину доносов отнёс. Когда царь спросил, почему наказания столь мягкие для младших офицеров, генерал-губернатор ответил, что заговорщики, мол, – всего лишь мальчишки, которым прыть девать некуда. Не правда ли – странная формулировка для столь грандиозного бунта? Пошумели, побуянили, послужат армеутами – сразу поймут свою ошибку.

– Что было бы, если бы Семёновский полк вышел с оружием? – не отставал Денгоф.

– Что было бы? – Бенкендорф возмущённо всплеснул руками. – Катастрофа! Лучшая боевая часть. Да весь город оказался бы в их руках. Против них только артиллерией действовать можно. А как в городе артиллерию развернуть? Поэтому-то император и запаниковал. Ему померещился заговор.

– Что сейчас с Семёновским полком?

– Он укомплектован заново из разных частей.

– Значит, Семёновский полк нынче не опасен?

– В каком смысле: не опасен? – Бенкендорф сердито сдвинул брови.

– В случае заговора, чего так опасался император, – пояснил Денгоф.

Бенкендорфу не понравился такой оборот беседы.

– Выходит – так, – вынужден был согласиться он. – Но есть ещё Измайловский. И Московский. В Московском вольностей по более можно услышать. Да кто угодно, Конногвардейский, хотя бы, Финляндский.... Что у нас там ещё? Лейб-гвардии флотский экипаж. Император терпеть не может моряков.

– Господа, о каком заговоре вы толкуете? – усмехнулся Адлерберг. – У любого заговора должен быть предводитель, которому нужна власть. А кто нынче в России готов стать царём и открыть новую династию? Что за ерунду вы обсуждаете!

– Действительно, – согласился Бенкендорф. – Дело тут в другом. Россия в последние годы прошла тяжёлую войну. Армия огромная. В мирное время ей заняться нечем, а содержать её приходится. Казна не справляется. Да и интенданты, честно сказать, приворовывают. Куда деть столько солдат? Попробовал граф Аракчеев военные поселения организовать, да что-то не совсем гладко дела пошли. И офицеров нынче много из бедных дворян. Кроме службы – им и приткнуться некуда. Ждать повышения в звании – долго. А боевые действия сейчас не ведём. Вот, молодые люди и сетуют: ни чинов, ни наград, ни денег....

– Меня сегодня, как раз, пригласили в круг офицеров, – вспомнил Денгоф.

– Кто же?

– Некий капитан Якубович.

– Известная личность, – мрачно усмехнулся Бенкендорф. – Поосторожнее с ним. Он недавно с Кавказа прибыл. Видели повязку на голове? Ему черкесская пуля в лоб попала. Рана не заживает уже долгие месяцы. Здесь в госпитале, я слышал, ему осколок кости извлекли из головы. Другой бы скончался давно, а Якубовичу только мозги слегка сдвинуло. От него всякого можно ожидать. Я его частенько встречал у графа Милорадовича. Отчего они сошлись – не пойму. Милорадовичу уже за полтину перевалило, а Якубовичу едва за тридцать, если не ошибаюсь. А где состоится встреча?

– На квартире некого Рылеева, в доме Российско-Американской компании.

– Вот, так, так! – Бенкендорф удивлённо покачал головой. – Лихо вы действуете. Как вам удалось затесаться в их круг? Ах, понимаю! Вы же специалист в этом деле. Так вот, Рылеев: поэт – вольнодумец; молод; образован. Служил в Петербургской уголовной палате. Неплохо служил. Нынче управляет канцелярией Росийско-Американской компании. Он, тут, знаете, однажды шуму наделал. Оду написал сатирическую в журнале «Невский зритель». Якобы – перевод. Но любой поймёт, что то сочинение был памфлет на Аракчеева. Граф Аракчеев, конечно, сделал вид, что не понял, кому оно посвящено, однако Рылеев уязвил, так уязвил:

Надменный временщик, и подлый и коварный,

Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,

Неистовый тиран родной страны своей,

Взнесённый в важный сан пронырствами злодей!

– Процитировал Бенкендорф.

– Я бы хотел вас попросить кое о чем, – сказал Денгоф.

– Что требуется?

– Мне нужны сведения об английских кораблях, прибывших в Петербург на этой неделе. Имена и фамилии пассажиров, цель визита и краткое описание внешности. Приметы особые какие-нибудь.

– Это не составит труда. Нынче навигация заканчивается, и английских судов не так много. Я, как комендант Васильевского острова, могу проводить вас в таможенную управу. Когда надо?

– Как можно скорее.

Опасный визит

Ничем не приметная, чёрная карета направлялась к Васильевскому Острову. Пара казённых лошадей уныло цокала тяжёлыми подковами по мёрзлым булыжникам мостовой. Кучер кутался в тулуп, лениво помахивая кнутом.

Караульные заступили в ночную смену. Возле полосатых будок горели костры. Ночь обещала быть морозной и ветреной. Нева набухала, сердито плескалась о гранит набережных.

– Как бы наводнения не началось, – с тревогой в голосе промолвил Бенкендорф, выглядывая в окошко кареты. – Вы не представляете, дорогой граф, что здесь творилось в прошлом году. Залило весь город. Дома плыли, словно корабли. Страху натерпелись, ... Я сам чуть не погиб. С командой спасал людей на лодке, да лодка наша перевернулась. Повезло, что рядом шлюпки флотского экипажа спасением занимались. Меня чуть живого выловили.

– Страшно было? – спросил Денгоф.

Бенкендорф фыркнул. Страшно? Что за глупость! Разве боевой офицер знает слово страх? Но, подумав, ответил:

– Жутко. Темень непроглядная. Холод пронизывающий. Тебя в бездну тянет, а ты ничего поделать не можешь. Слова молитвы – и те не помнишь.

Дальше ехали молча. Вдруг, Бенкендорф вновь попытался завести беседу:

– А вы в Лондоне..., – осёкся, не зная, как продолжить.

– Хотели о сестре спросить? – догадался Денгоф. – Простите, но мы с Дарьей Христовой никогда не встречались. Сами понимаете, в целях безопасности. Действовали через посыльных. Да и направления деятельности у нас разные. Так, что, извините.

– Да... Конечно понимаю.... Просто..., – Он стукнул в отчаянии кулаком по колену. – Вы сегодня напомнили мне о Доротее, и какая-то тоска поднялась в душе. Я так давно её не видел.

– Вы её очень любили? Я имею в виду, как сестру?

– Конечно! Знаете, нас в семье было четверо детей. Мы с Константином старшие, вернее, я старший, а он на год шёл за мной. Дружили крепко, но и ссорились отчаянно. Потом шла Мария. Она, мягко сказать, не была красавицей, хотя – очень умна, добра. Но младшая Доротея – бес в юбке. Хитрая, коварная, но было у неё какое-то врождённое чувство справедливости... Амазонка – одним словом. Антиопа. Мы её с братом очень любили. Но, как не странно, боялись. Она иногда нам такие уроки давала, до сих пор уши краснеют.

– Расскажите, – попросил Денгоф.

Бенкендорф оживился, заёрзал на диванчике, усаживаясь поудобнее.

– Что бы такое вам поведать. А, хотя, вот – история! Были мы уже подростками. Мне пятнадцать, Константину четырнадцать, Дарье – вообще – двенадцать. Дело происходило под Рождество. Пригласил нас князь Барятин погостить в его имении под Смоленском. Сам он бездетный, инвалид к тому же. Под Измаилом его покалечило изрядно, потому и не женился. Но детей любил. Как мы к нему приедем, вечно нас баловал. И была у него страсть – коней разводить. Рысаки его ценились во всей округе. Так вот, наметилась охота. Решили волков отстрелять. Мы с Константином на охоте никогда не были. Загорелись. Нам ружья дали. Охотники дворовые учили нас заряжать. Константина в загонщики с псарями определили, а меня, как старшего, – в засаду. Вы не представляете, какое это счастье для мальчишки – впервые попасть на охоту, и сразу – в засаду. Я всю ночь не спал. Наставнику своему, Луке, надоел до чёртиков: хорош ли кремёнь в затворе? Хватит ли пороха в рожке? Пыжи не очень большие? А пуля пробьёт волку череп, если в лоб стрелять? Лука крепился, разъяснял, но в конце не выдержал. Сходите, говорит, на конюшню, проверьте коня своего. Да чтобы седло вам удобное подобрали и стремена по росту подтянули.

Пошёл я на конюшню. Помню, вошёл, как увидел рысака тёмного, лоснящегося, с огромными черными глазами, так влюбился в него сразу. Ноздри раздувает, а из них пар, как от змея Горыныча. Грудь широкая. Ноги стройные. Я таких коней отродясь не видывал. Спрашиваю у конюха: «Кому коня этого готовят». «Так, известно кому, – отвечает, – вам, барчук». «Мне?» Я чуть дар речи не потерял. «А то, – отвечает. – Барин больной, он на своей кобылке привык. Для батюшки вашего тоже конька спокойного подготовили. Братишке вашему недорослика крепкого. Братишка ваш сам маленький, так ему ещё с псарней по дебрям, да оврагам пробираться. А вам быстрая коняга нужна. До засады далече ехать. Вон, он какой! Как жар из печи. Быстрый – что ветер в поле».

Я весь воспылал от счастья. Сам попросился овса задать. А когда гладил упругую горячую шею коня, так был на девятом небе от счастья. Силой от него веяло неземной, свободой, отвагой. . . , – даже не знаю, как передать мои мальчишеские ощущения.

И, представляете, утром дом подняли. Суматоха. Псаря кричат. Собаки лают. Кони ржут. Загонщики выехали первыми. Мужики из моей засады, уже верхом. Я быстро одеваюсь, хватаю ружье, накидываю ягдташ через плечо, выбегаю на двор. . . . А мне выводят какую-то пегую лошадь. . . Я ничего не понимаю. «А где мой конь? – спрашиваю у Луки. – Мне же готовили другого». . . И тут вижу, как на моем красавце выезжает Дарья. Я к хозяину, к Барятину. «Позвольте, ваша светлость, – говорю, – но нам с сестрой коней перепутали». «Нет, – отвечает он. – Твоя сестра уж очень просила прокатиться на этом красавце. А ты сам знаешь, коль этот лисёнок что начнёт вымаливать – попробуй ей отказать». Я к отцу. Тот только пожал плечами: «Ты же в засаде будешь сидеть. Какая тебе разница». Как, какая разница? Не помню, чтобы я когда-нибудь так разозлился. Мне в тот миг показалось, будто нанесли смертельное оскорбление, унижение – ниже некуда. Я подошёл к сестре и сказал, что она поступила не честно, и обязана мне уступить моего коня. «Я не знала, – пожала она плечами. – Давай сегодня я на нем прокачусь, а завтра ты будешь им владеть». «Он тебя скинет. Он горячий», – пробовал я её запугать. «Ты же прекрасно знаешь, что я отлично держусь в седле, – парировала она. – Потом, я тоже хочу покататься на горячем коне. Он мне тоже нравится. А я – твоя сестра, да ещё и младшая. Ты обязан по этим двум причинам, как брат и кавалер, мне уступить». Это меня вывело из себя окончательно. Наверное, не соображал, что говорю, но я злобно прошипел: «Если ты не уступишь мне коня, я больше никогда не назову тебя сестрой». Она побледнела, еле сдержала слезу. Нижнюю губу так прикусила, что чуть кровь не закапала. Но овладела собой. Она умела с детства подчинять себе волю. Тихо сказала: «Хорошо». Я подал ей руку, но она не обратила на мой жест внимания и прыгнула на землю сама, при этом чуть не упала. Конюхи быстро переседлали наших лошадей. Я тогда летел по заснеженным лугам на своём красавчике быстрее ветра, однако, радости сильной не испытывал: душу глодала совесть за несправедливо нанесённую обиду сестре. Черт меня дёрнул за язык сказать такое!

Когда мы залегли в засаду на невысоком холме: я в середине, а мои охотники рассыпались справа и слева, стал забывать о случившемся. Коней оставили под присмотром конюха внизу. Перед взором раскинулось белое поле. Вдали чернел голый лес. Кругом звенящая тишина и покой.

Вдруг послышался лай псарни, и сердце застучало, лицо загорелось. Все тело дрожало в азарте. Сейчас! Сейчас это случится! Мой первый волк. Я уже представлял, как буду хвататься перед друзьями добычей. Шкура серого разбойника будет лежать у меня в покоях, как символ моего мужества и удачи. Я до рези в глазах вглядывался в белую пустоту. Как вдруг! Показалось? Нет! Серые точки появились на краю леса. Три точки. Они быстро приближались. Лука подполз ко мне и жарко шепнул: «Ну, барчук, бей, как только глаза у них различишь. Не спеши. Целься хорошо. А мы потом остальных добьём». – И уполз обратно. Я весь в нетерпении ждал, прикидывал расстояние. Скинул перчатки. Руки вспотели, несмотря на мороз. Ещё

несколько секунд. Вижу, вижу его отчётливо: вздыбленную холку, низко опущенную голову. Сейчас! Сейчас!

Вдруг сзади осторожные шаги. Быстро бросаю взгляд назад. За спиной стоит Дарья. «Уходи! – шикаю. – Не видишь, волки идут». «Дай карабин», – говорит она. «Что?» – не понял я, а сам волка на мушку беру... «Дай карабин, – повторяет. – Пожалуйста». Да так настойчиво. «Ты что удумала? Уходи! Не мешайся!» «Я уступила тебе коня, ты должен мне уступить выстрел». Я ничего не могу понять. Оборачиваюсь. «Ты с ума сошла? Это – охота! Волки близко!» А тут ещё Лука снизу показывает мне, мол, пора стрелять. Я вновь целюсь, а Дарья вновь говорит: «Если не дашь мне выстрел, я больше не назову тебя братом». Как будто розгами по спине. «Даша!» Я оборачиваюсь, смотрю на неё и не узнаю: чужой человек, а и не человек вовсе. Взгляд ледяной. Губы плотно сжаты. Лицо – что кусок мрамора. Протягивает мне руку, медленно, медленно, и я, словно под чарами, отдаю ей карабин. Сам думаю, как же она будет стрелять? Не удержит. Да она целиться не умеет... Доротея берет ружье, быстро вскидывает, плотно приладив приклад к плечу. Карабин грохнул так, что она в сугроб села. Я подскочил к ней, отнял ружье. Охотники вокруг палят. Там из леса ещё пара волков выскочила... Пока я перезаряжал карабин, все уже было кончено. Так и не выстрелил. Помню, как сейчас: на белом снегу, окроплённом темной кровью, лежал огромный волк. Лапы, что мои кулаки. Пасть оскалена. Синеватый язык вывалился. Вместо одного глаза чёрная дыра. «Вот это выстрел! Ай да молодец, барин!» – восхищались мной охотники.

Вечером за праздничным ужином меня все поздравляли с удачной охотой. Надо же – одним выстрелом уложил, и прямо в глаз! А я готов был со стыда провалиться в землю. Это же не я, это сестра волка подстрелила. А Дарья вела себя, как ни в чем не бывало: веселилась вместе со всеми, шутила. Я уличил минутку, когда все были заняты ряжеными, которые пришли колядовать, да нас потешить, подошёл к ней и тихо спросил: «Зачем?» «Кто поверит, что это я подстрелила? – хитро улыбнулась она. – Твоя слава». «Но волк – твой, – зло возразил я. – Зачем меня унижать?» «Послушай, – серьёзно сказала она. – Не веди себя, как мальчишка, у которого отняли леденец. Ты хотел получить коня – ты его получил. Но запомни, если хочешь что-то получить, надо потом за это заплатить. И ещё неизвестно, будет ли эта плата адекватна полученному». Меня словно молнией поразили её слова. Вот эта маленькая девчонка, на три года младше меня, говорит мне устами мудреца. Помните латинское высказывание: *totus vos have ut persolvo* – за все надо платить? И что самое ужасное, я вдруг в ту минуту осознал, что она права. Гордость моя пыталась слабо сопротивляться, и я спросил, чем же она заплатила за то, что получила выстрел. Дарья смутилась, но потом решительно расстегнула платье и обнажила правое плечо. Оно было фиолетового цвета. Вот так, вот. Доротея – необыкновенный человек. Если бы родилась мужчиной, давно бы заняла должность министра.

Вскоре перед графом Денгофом лежало несколько десятков таможенных отчётов. Он перебирал листы желтоватой казённой бумаги, пробежал глазами строки, останавливался, в нужных местах, что-то отмечал карандашом, ставя на полях аккуратные галочки, раскладывал отчёты по стопкам. Тут же на столе чадила сальная свеча, выхватывая из полумрака белёные стены кабинета таможенной управы. Бенкендорф стоял рядом, не решаясь присесть на шаткий стул. У низкой двери застыл по стойке смирно дежурный фельдфебель.

– Кого среди них вы хотите найти? – поинтересовался Бенкендорф, начиная скучать. Уж слишком нудно, с немецкой педантичностью Денгоф разбирал отчёты. Эдак до утра не закончит.

– Пока не знаю. Ничего подозрительного ещё не обнаружил. Ах, вот! Погодите, – вдруг ожил граф. – Золотой перстень с зелёным треугольным камнем.

– Масон, – безразлично пожал плечами Бенкендорф. – Обычное дело.

– Масон из Эдинбурга? Звучит странно. Я не помню, чтобы у Шотландской ложи были треугольные символы, да ещё зелёного цвета.

– Только он вас заинтересовал?

– Остальные все: негоцианты, моряки.... Какой-то лекарь с заковыристой фамилией, – наверняка шарлатан... Ничего подозрительного.... А этого господина с перстнем надо проверить.

– Любезный, – подозвал Бенкендорф дежурного фельдфебеля таможенной управы. – Подскажи, на каком корабле прибыл вот этот господин. Перстень у него с зелёным камнем.

– «Святая Магдалена», ваше высокоблагородие, – тут же ответил таможенник. – Нынче только два английских корабля в гавани: «Гарпия» уже как неделю лесом загружается, да «Святая Магдалена». Она вчера прибыла.

– Что за груз?

– Сельдь в бочках, чай, шерстяные ткани. Хозяин груза – этот господин с перстнем.

– Кто его опрашивал? – поинтересовался Денгоф.

– Я, ваше благородие.

– Ничего подозрительного не заметили?

Таможенник пожал плечами.

– Груз в порядке. Документы справные. Запрещённые товары отсутствуют. Разрешения все имеются. Разве что, ботинки у него немецкие. Англичане не носят немецких ботинок.

– Как вы это определили? – удивился Бенкендорф.

– Ну, как же! Немецкие ботинки тупоносые, с высоким подъёмом. А англичане обычно носят мягкую обувь, остроносую. Я уж двадцать лет на таможне отработал, научился народ различать. И говорил он не чисто. Произношение у него странное. Я подумал сначала, что он из Дании или Швеции.

– Где остановился сей господин, известно? – спросил Денгоф.

– Так точно-с, – ответил фельдфебель. – У меня записано, по какому адресу извозчик отвёз его багаж.

– Давайте-ка, я составлю вам компанию, коль на то пошло, – решил Бенкендорф.

– Если вам не трудно, прихватите ещё пару крепких городских, – попросил граф Денгоф.

– Разумеется. Да хоть целое отделение.

– Думаю, двоих-троих достаточно. Не хотелось поднимать много шума.

– Как пожелаете.

Впереди шёл высокий косолапый околоточный в длинной, серой шинели, освещая узкую грязную улицу тусклым фонарём. За ним следовали граф Денгоф и генерал Бенкендорф. Двое городских и дворник замыкали шествие. У дворника так же был фонарь и палка, чтобы отгонять собак. В окнах нигде не мелькнёт огонёк свечи. Город спал. Даже псы за заборами брехали лениво. Околоточный остановился у высокого трёхэтажного дома с башенкой на углу.

– Ваше высокоблагородие, вот там он поселился. На верхнем этаже квартирка.

– Квартира угловая? – спросил Денгоф.

– Точно так. На эту сторону есть окна и на ту.

– То есть, с противоположного окна выход на крышу соседнего дома?

– Точно так, – подтвердил околоточный.

– Умно, – кивнул Денгоф. – Пока мы будем взламывать дверь, он уйдёт по крышам.

– Почему вы решили, что он будет убегать? – не поверил Бенкендорф. – Возможно, вы ошибаетесь, и этот англичанин – всего лишь мирный торговец.

Денгоф ничего не ответил. Спросил у околоточного:

– Что за тем домом?

– Сарай, огороды, а потом рабочая слобода.

– Пусть ваши городовые станут со стороны слободы.
– Темно, ваше благородие. Тут разве угадаешь, в какую сторону он побежит.
– Ничего. Попробуем его поймать. Может, даже бегать за ним не придётся. По описанию из таможи, человек грузный, неповоротливый.

Околоточный отправил своих подчинённых в засаду. Дворник остался у подъезда. Втроём поднялись по узкой темной лестнице. Разбудили хозяйку, отвратительную беззубую старуху в мятом ночном чепце. Она накинула на плечи серый пуховой платок, зажгла огарок свечи и повела посетителей вверх к массивной двери. Осторожно постучала. Никто не ответил. Постучала второй раз. За дверью скрипнула кровать.

– Кто там? – раздался недовольный мужской бас.
– Простите, что беспокою вас, – проскрипела хозяйка, словно несмазанная дверная петля. – К вам посетители.

Тишина.

– Господи-ин! – вновь постучалась старуха.
– Так поздно? Что им нужно?
– Откройте! – потребовал Бенкендорф. – Нам нужно проверить ваши документы.
– Вы кто? – в голосе послышалась тревога.
– Мы – представители закона, – сказал Бенкендорф.
– Но почему ночью? – простонал бас за дверью. – Я честный торговец. Я не нарушал ничего.

– Тогда вам нечего бояться, – заверил его Денгоф. – Проверка не займёт много времени.
– Зачем же вы пришли так поздно? Давайте, я завтра приду в участок и покажу все документы.

– Открывайте! – рявкнул околоточный.

– Сейчас, – послышалось из-за двери, – позвольте одеться.

Денгоф прислушался. Тишина. Какое-то шебуршание. Приглушенный скрип...

– Ломайте дверь! – приказал граф околоточному.

– Ломать? – вытаращил тот глаза.

– Ломайте! – настойчиво подтвердил Бенкендорф.

Околоточный навалился плечом, но дверь выдержала. Второй раз – треснул замок.

– Ой! Ой! Что вы делаете? – заголосила старуха.

Третий раз. Дверь слегка поддалась. С той стороны хлопнул пистолетный выстрел. Околоточный схватился за горло и рухнул как подкошенный. Старуха заорала, бросила подсвечник, покатила по лестнице. Все погрузилось в темноту.

Денгоф выбил створку двери ногой и ворвался в комнату. Он повернул рукоять трости, и в руках у него блеснул кинжал. Следом ввалился Бенкендорф с взведённым пистолетом. Ветер носился по комнате, трепля занавески.

– Ушёл!

Денгоф бросился к распахнутому окну. В ночи ничего не возможно было разобрать, только слышались быстрые удаляющиеся шаги по черепице.

Бенкендорф уловил зловещее шипение. Знакомый звук. И запах знакомый. Он обернулся к небольшому круглому столу, стоявшему посреди комнаты. На столе громоздился ящик, похожий на матросский сундучок для вещей с окованными уголками. Подползая к нему, разбрасывая искры, тлел огонёк порохового запала. Генерал схватил за шиворот графа и вывалился с ним из квартиры. Они упали прямо на тело околоточного. Грохнуло так, что в голове загудело. Над ними пролетела дверь, ударилась о стену и свалилась на нижнюю лестничную площадку. Все заволочло едким дымом и пылью.

– Вы целы? – спросил Бенкендорф, откашливаясь.

– Кажется... Колено расшиб, – прокряхтел Денгоф, пытаясь подняться.

– Колено – ерунда, главное – голова цела.

– Но мой боливар, – с горестью произнёс граф, ощупывая голову. – Вечно мне со шляпами не везёт. Вы меня спасли. Я вам премного благодарен.

– А вы говорили: без шума, – недовольно пробурчал Бенкендорф, поднимаясь на ноги. – Сейчас весь квартал проснётся.

Генерал помог графу встать, и они бросились вниз по лестнице. Денгоф слегка хромал, то и дело хватался за ушибленное колено. Перепрыгнули через разбитую створку двери. На нижней площадке, сжавшись в комок, сидела хозяйка и жутко выла, словно собака на луну. В конце проулка увидели, как дворник машет им фонарём.

Тело грузного человека лежало, с неестественно подвёрнутыми под себя, ногами. Руки раскинуты в стороны.

– С крыши свалился, – пояснил дворник. – Нынче скользко. – Шлёп! – и все!

Денгоф попросил фонарь. Наклонился, внимательно осмотрел труп. Затем снял с его правой руки золотой перстень с треугольным злёным камнем.

– Прошу познакомиться: Дидрих Бунцел. Известный человек на службе Меттерниха.

– Уверены? – удивился Бенкендорф.

– Абсолютно. Встречал не раз его в Вене.

– Вы же говорили, что он англичанин, а выходит – работал на венский кабинет, – недоволен спросил Бенкендорф.

– Предлагаю обыскать его комнату. Если там хоть что-то уцелело, возможно, найдём ответ на ваш вопрос, – предложил Денгоф и подозвал городских: – Тело убрать. Наверху ещё одно. Вызовите подмогу. Никто не должен ничего видеть и слышать. Любопытных загоняйте обратно в дома. Припугните. Старуху уговорите, чтобы не выла.

В комнате царил полный хаос. Массивный стол, на котором стояла бомба, разлетелся в щепки. Оконные створки вынесло. По квартире гулял ветер. Пол устилали куски мебели, осколки стекла, черепки битой посуды, бумаги, какие-то тряпки. Но Денгоф очень быстро среди хлама нашёл то, что ему нужно было: серый конверт. Аккуратно вскрыв его над пламенем фонаря, не поломав печати, достал письмо.

– Что там? – спросил Бенкендорф, чихая от пыли.

– Зашифровано, – разочаровал его Денгоф. – Но оно нам пригодится. – Он вновь запечатал конверт.

– Может быть, где-то здесь есть ключ к письму? – несмело предположил Бенкендорф, оглядывая разгромленную квартиру.

– Не думаю. Бунцел был опытным и осторожным. Ключ мы не найдём.

– Что же делать?

– Глядите-ка, приглашение. – Взгляд Денгофа упал на небольшую визитку, валявшуюся среди хлама. Подняв её, он отряхнул пыль. – Любопытно! Набережная Мойки. Русско-Американская торговая компания. Как раз я туда собирался. Визитка есть, послание есть, осталось найти новую шляпу.

Русско-Американская компания

На первом этаже, в просторном зале со сводчатыми потолками собралось множество знатных господ. Здесь были гражданские дорогие сюртуки и строгие офицерские мундиры. Поскрипывала мягкая обувь, звенели шпоры. Шёлковые галстуки, часики на цепочках, золотые броши с камнями, ордена, эполеты, аксельбанты. Общество сугубо мужское. Пили шампанское, играли в карты, шумели, дымили трубками. Кто-то в углу играл на рояле. В прихожую вошёл человек в каррике горохового цвета. Подал лакею открытку с приглашением. Тот помог ему снять плащ, принял новенький цилиндр и перчатки.

Как только господин вошёл в шумный зал, его сразу заметил офицер с чёрной повязкой на голове:

– Рад видеть вас! – он быстро подошёл и дружески пожал руку. – Господа, хочу представить вам графа Александра Денгофа. Он недавно прибыл из Англии. И вообще, уважаемый граф много где путешествовал. Даже до Америки добрался.

Капитан Якубович тут же втянул гостя в круг штатских и офицеров, ведущих горячую беседу.

– Европа давно освободила своего крестьянина, – горя глазами, ораторствовал молодой офицер в форме гвардейской артиллерии. – Мы прошли от Вильно до Парижа. Везде уже отменено крепостное право. Никто никому не принадлежит. Никто никем не торгует.

– Но, позвольте, вы хотите освободить русского крестьянина? – спорил с ним рыхлый чиновник в маленьких очках на мясистом носу. – А чью землю вы им отдадите? Свою? А сами с чем останетесь? А если без земли освободить, что ваш крестьянин будет делать? По миру пойдёт? Голодать? Так он вас первого на вилы и подымет. И уж если вы заговорили о Европе, то я там тоже побывал. Видал на Рейне этих самых свободных мужиков. Они с голоду отошались, на борзых похожи. Много ли им счастье от этой свободы? Да иные из них были бы рады-радешеньки, если бы вышел закон, поставивший их обратно в зависимость от помещика. У них была бы земля. Господин обязан был бы заботиться о них, защищать, беречь, кормить в неурожайные годы. А теперь они свободны! И что? Бегут из отечества, лишь бы найти кусок хлеба. Выходит, и отечество им уже не дорого. Выходит – они чужие своему государству. А в случае беды, будут ли они его защищать?

– Согласен: земли всем не хватит. Надо строить мануфактуры, – предложил офицер.

– Так, вот, – указал толстым перстом в небо чиновник. – Вначале их надо построить. В Европе сначала мануфактуры появились, а потом уже все свободными стали.

– А расскажите нам, как в Англии обстоят с этим дела? – попросил капитан Якубович Денгофа.

– Англия – страна с большими возможностями и с малым человеческим ресурсом. Бродяг я там не встречал, их сразу гребут в матросы или в колониальные войска. Для нищих открываются, не знаю, как правильно перевести, дома работы или, может быть, работные дома. Они похожи чем-то на наши остроги. Там есть казармы. В них люди спят, а днём трудятся на мануфактурах по двенадцать-пятнадцать часов в день за еду и койку. Из работного дома можно сбежать, но тогда угодишь в матросы. А могут, просто, фермеры поймать и повесить. Человеческая жизнь много не стоит.

– Но, все же, эти работные дома как-то спасают положение? – спросил кто-то.

– Возможно, – неуверенно ответил Денгоф. – Но, повторяю, порядки там, что в остроге: мужчины, женщины, дети живут раздельно; строгий распорядок дня; наказания следуют за малейшую провинность; никакие жалобы не принимаются. Плохо работаешь – не получаешь еды. Недоволен – сиди в карцере. Поднял руку на надсмотрщика – будешь жестоко избит. На мануфактурах при работных домах трудятся дети, начиная с шести лет. Обычно к тридцати

они становятся калеками. Нередко можно встретить рабочих с оторванными конечностями, одноглазых, ошпаренных.

– Но, постойте, – перебил его молодой офицер. – Вы же, я слышал, бывали в Америке. Там, ведь, – полная свобода.

– Вы правы, – согласился Денгоф. – Однако надо заметить, Америка – край дикий. Из ста семей эмигрантов, дай бог разбогатеет десять. На юге плодородные земли, а трудятся на тех землях рабы. Да, господа, рабы, завезённые из Африки. И стоят они дешевле, чем лошади или коровы.

– Постойте, какие рабы? – удивился капитан Якубович. – Как в Риме?

– Нет, господа. В Риме, в Элладе раб мог стать свободным при определённых условиях. В Америке такой поворот исключён. Негры рождаются рабами и умирают рабами. Они не имеют ничего, кроме хозяина. Вы же не хотите в России подобное рабство.

– Но, они же из Африки, дикари, – пожал плечами чиновник. – Разве дикари смогут жить свободными в цивилизованном мире?

– Хочу заметить вам, что среди рабов встречаются ирландцы. Да, да! Их так же вылавливают, как зверей, и отправляют на плантации.

Все возмущённо загудели.

– Но в северных штатах не все фермеры держат рабов, – нашёлся какой-то умник. – У них свободные фермы со свободными фермерами.

– Согласен. А ещё в северных штатах есть местные аборигены, которых согнали с земли, и они периодически вырезают этих свободных фермеров целыми поселениями. Колониальные власти отвечают тем же. На западе Америки распространена опасная, но весьма доходная профессия: охотник за скальпами. Такие охотники убивают индейцев, снимают с них скальпы и относят в специальные учреждения, где им за каждый скальп неплохо платят. Правда скальп мужчины стоит в два раза дороже, чем женский или детский, но все равно – отличный заработок.

– Что вы за ужасы рассказываете. Я не верю! – воскликнул молодой офицер.

– А вы знаете, господа, – вмешался седовласый высокий господин с пышными усами. – Я бывал в Африке, в одной английской колонии. Наблюдал, как англичане развлекаются охотой на крокодилов. У крокодилов отличная кожа. Но эти твари живут в мутных реках. Если его подстрелить, он тут же уходит на дно, и достать его со дна невозможно. Так что придумали англичане! Они берут негритёнка лет двух–трёх, привязывают его за ногу к колышку на берегу и заставляют плакать, а сами прячутся в укрытии. Ребёнок пищит, плачет, маму зовёт... Крокодил, услышав, выбирается на берег в надежде полакомиться, вот тут его и убивают. Ну, бывает, что он и приманку прикусит.

Повисло мрачное молчание.

– Да-с, я вам правду рассказываю, – уверял седовласый господин. – Сначала они для приманки обезьян ловили, но с ними мороки: поймать нужно, обезьяны кусаются, брыкаются. А с ребёнком – все просто.

– А как же мать? – тихо спросил капитан Якубович, сглотнув комок.

– А что, мать? Для англичан туземцы – те же обезьяны. Что мать может сделать? Сидит и плачет. А если пробует защищать дитя – пристрелят. У них за этим не станет.

– Я подобное наблюдал в Индии, – вмешался ещё один путешественник в военно-морском мундире. – Местные индусы до того обнищали, что мрут с голоду, как мухи. Английские офицеры перед завтраком развлекаются следующим образом: приказывают солдатам выносить объедки за стены форта. Местные индусы приходят в надежде найти что-нибудь съестное, их в это время отстреливают, как животных. Вот, так веселятся.

– Но позвольте, господа, мы же хотим построить новое, справедливое общество, – вступился молодой офицер. – Вспомните Францию. Как она освободилась. Какие были благородные порывы!

– Тогда России нужен два человека: новый Наполеон Бонапарт и доктор Жозеф Гильотен, – саркастически заметил седовласый господин. – Порывы – порывами, а голов во Франции срубили – уйму.

– Не обязательно, – отверг морской офицер. – Прогрессивное дворянство вполне справится с задачей. Новое просвещённое дворянство, опирающееся на армию, должно опрокинуть, сломать все старое.

– Вы говорите о республике? – спросил осторожно полный чиновник, злое блеснув стёклышками очков. – Но в республике не должно быть монархии. Куда денем царя?

– Республика – это не путь для России, – горячо возразил Якубович. – Только конституционная монархия. Англия – чем вам не пример? Да, работные дома. Да, нищие.... Но и величайшая мировая держава. – И выразительным басом пропел: – «God save our gracious Queen»....

– О чем ведёте столь жаркий спор, господа? – спорил подошедший молодой человек в элегантном бежевом фраке. Глаза большие, внимательные, губы тонкие, плотно сжаты. Денгоф узнал в нем своего собеседника из кондитерской.

– Кондратий Фёдорович! – обрадовался капитан Якубович. – Мы рассуждаем, какое политическое правление должно быть в новой России.

– Сложный вопрос, – задумался он, но лишь на мгновение. – С одной стороны – традиции должны соблюдаться, с другой стороны – прогресс требует переустройства быта. Законы должны быть усовершенствованы кардинально, – это я вам говорю, как человек, служивший в Петербургской Уголовной палате. Конечно, нужна конституция.

– Но куда вы денете царя? – повторил вопрос толстый чиновник, снизив на последнем слове тон до шёпота.

– Конституционная монархия! – повторил твёрдо капитан Якубович.

– Согласен с вами, – кивнул Рылеев. – Конституционная монархия – система новая и прогрессивная. Вы Англию упомянули. Но ежели выйдет, как в Испании? Помните совсем недавние события? Двадцатый – двадцать третий годы. Рафаэль Риго блестяще совершил революцию и заставил короля Фердинанда дать присягу народу и конституции. В Испании прошли народные выборы в кортесы. «Восторженные» одержали победу на этих выборах. Позже сформировали правительство.... Вот оно – торжество справедливости! Казалось, свобода, равенство и братство пришли в Испанию навсегда! Страна заживёт по-новому, показывая пример остальной замшелой Европе.... Однако ошибкой Риго было именно то, что он оставил королю свободу, и не только королю – всему его окружению. В итоге: республика разгромлена, Риго повешен. А вспомните судьбу Неаполитанского адмирала Франческо Караччиоли, боровшегося за свободу и демократию. Поверил королю, и был повешен на рее английского фрегата. Разве можно верить царствующим особам? Для них власть – дороже всего, дороже жизни. Не побоюсь сказать – дороже совести. Плевать им на свободу собственного народа.

– Вы сами что думаете? – спросил морской офицер.

– А я не думаю, я – действую, – с гордостью ответил он. – Я, Кондратий Рылеев, служил отечеству, пока оно нуждалось в службе своих граждан, и не хотел продолжать её, когда увидел, что буду служить только для прихотей самовластного деспота. Я желал лучше служить человечеству, поэтому избрал звание судьи. Что меня ожидало в военной службе? Может быть, военная слава, может быть, безвестная смерть; но в наше время свет уже утомился от военных подвигов и славы героев, приобретаемой не за благородное дело помощи страждущему человечеству, но для его угнетения.

– Ох, слышал бы вас Суворов, – недовольно покачал головой капитан Якубович.

– Суворов был великий полководец, я с вами полностью согласен. Но слава его бледнеет, когда вспомним, что он был орудием деспотизма и побеждал для искоренения расцветавшей свободы Европы. Извините, если обидел ваши чувства. Должен ли был я, получив эти понятия, оставаться в военной службе? Нет! Прошу прощения, я не хочу оскорбить присутствующих здесь военных, всего лишь – высказываю свою точку зрения. Ныне наступил век гражданского мужества, я чувствую, что моё призвание выше, – я буду лить кровь свою, но за свободу отечества, за счастье соотечественников, для исторжения из рук самовластия железного скипетра, для приобретения законных прав угнетённому человечеству – вот мои дела. Если я успею, вы не можете сомневаться в награде за них: счастье России будет лучшим для меня отличием. Если же паду в борьбе законного права с властью, ежели современники не будут уметь понять и оценить меня – может быть, потомство отдаст мне справедливость, а история запишет имя моё вместе с именами великих людей, погибших за человечество. В ней имя Брута стоит выше имени Цезаря. Вот моя исповедь, господа. Таков я, Кондратий Фёдорович Рылеев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.